

Ксения Мэо

ОСОБНЯК
С ПРИВИДЕНИЯМИ
для попаданки

Ксения Мэо

Особняк с привидениями для попаданки

<https://litres.ru/74547539>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я попаданка. Наследница покойного графа.

В наследство я должна получить... Вот только оказывается, мачеха уже каким-то образом прибрала к рукам большую часть наследства. Мне достается только особняк с привидениями и ворох проблем в придачу.

Но ничего. Я не с таким справлялась. Не позволю губернатору снести мой особняк, восстановлю его, а призраков приручу.

Но что за зловещие незнакомцы шныряют по моему имению?
И почему губернатор так пристально следит за мной?

Содержание

1.	4
2.	9
2.1. Визуализация	14
3.	21
4.	28
5.	36
6.	42
7.	50
8.	57
9.	65
10.	70
11.	75
12.	82
13.	88
14.	94
15.	99
16.	104
17.	109
18.	115
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Ксения Мэо

Особняк с привидениями для попаданки

1.

— Пошла вон! — визжит леди Ивл Фьорд на всю улицу и швыряет мой чемодан по мраморным ступенькам крыльца вниз. — Убирайся! — и второй чемодан летит следом.

Каркнув напоследок: «Неблагодарная!» — мачеха скрывается в доме и хлопает дверью так, что один из гипсовых купидончиков над крыльцом с грохотом обрушивается вниз и разлетается вдребезги.

Ничего не скажешь — умеет же она делать сюрпризы! И сегодня, в день моего (вернее, ее падчерицы Реджины Фьорд) двадцатиоднолетия Ив превосходит саму себя.

Настоящая Реджина, скорее всего, разревелась бы. Но теперь в ее теле обитаю я, предпринимательница сорока пяти лет Регина Королёва, и если бы я плакала при каждой проблеме, не организовала бы и не держала на плаву несколько дел.

Правда, Региной Королёвой я была неделю назад.

Прохладным свежим утром на следующий день после

объявления моего мужа Сержа Королёва, что он уходит к молоденькой секретарше, я по привычке вышла на пробежку.

Бежала и радовалась, что делить нам нечего: детей нет, а к моим бизнесам он отношения не имеет. А захочет поймать — мои адвокаты поймут его. Когда я огибала озеро, грудь пронзило острой болью, вдохнуть не получалось, и я погрузилась во тьму.

Очнулась в незнакомом месте и в чужом теле от того, что меня немилосердно хлещут по щекам и требуют подняться и галопировать замуж.

Как же плохо мне было в тот момент! Перед глазами снопы искр. Во рту пустыня Сахара, голова раскалывается, руки трясутся, да и вообще муторно и тошно.

В комнате темно и душно. Простыни сырые и пропахшие потом. А надо мной нависает разгневанное худосочное лицо с острыми скулами и хищным носом. Это лицо не просто висит, но еще выплескивает на меня потоки брани:

— Бездельница! Уже все в доме поднялись и делом заняты, а ты разлеглась! А ну быстро соберись, надень платье, которое я тебе подготовила, и спускайся в гостиную. Там тебя ждет жених. И попробуй только снова отказать!

Я какое-то время молча пялюсь на эту хабалку в платье из исторического фильма. А потом меня накрывает чужими воспоминаниями.

Я — Реджина Фьорд двадцати лет от роду, единственная дочь ныне покойного графа Фьорда.

Нависшая надо мной разлюбезная дама — леди Ивл Фьорд — моя мачеха, вдова моего отца, который умер год назад и оставил после смерти грандиозное наследство. Которое тут же прибрала к рукам Ив.

Что она там верещит про отказы? Ах да... Уже год, невзирая на траур, мне докучают потенциальные женихи. По странному совпадению все — младшие родственники мачехи.

Визжание этой неприятной особы отвлекает и не дает сосредоточиться на воспоминаниях. А в мозгу сиреной воет осознание, что срочно надо разобраться в том, что вообще происходит, иначе я рискую потерять что-то очень важное.

Небрежным взмахом руки отодвигаю лицо Ив и с трудом сажусь в постели. По телу разливается слабость. Траванулась, что ли, чем-то? Фокусирую взгляд на мачехе, которая наконец замолкает.

— Дайте мне время, я приведу себя в порядок и спущусь, — выговариваю через силу.

На секунду задерживаю дыхание. Это у меня такой голос мелодичный? Звенит, как серебряный колокольчик. Таким не деловые переговоры, а прогноз погоды вести.

Мачеха кривит лицо и молча выходит.

С трудом поднимаюсь и осматриваюсь. Простыни протерты до дыр, ковров нет. Раздвигаю шторы и понимаю, что впустить свежий воздух не смогу — на окнах решетки.

А за окном... Мать моя в кедах! Натуральный средневе-

ковый город! С тонкими башнями, узкими окнами, высокими дворцами и... Драконами?

В небе фланируют несколько здоровенных ящеров с кожистыми крыльями, длинными хвостами и шипастыми шеями. Погодите, разве в Средние века жили динозавры?

Обхватываю руками голову и погружаюсь в воспоминания предыдущей хозяйки тела. Я вообще не в нашей реальности!

Я в городе Драконарис — столице государства Эльдратория, в котором правят... Драконы! И при этом они люди. Ум за разум заходит! Это сложнее, чем система налогообложения. Что обычная, что упрощенная.

Не отвлекайся Регина! Итак, тут нет автомобилей, самолетов, телефонов и прочих благ привычного тебе мира.

Зато есть магия, волшебные артефакты и, мать их, драконы.

Вздыхаю и окидываю усталым взглядом комнату. Книжные полки пусты, на стенах темнеют квадратные пятна там, где раньше висели картины.

Из покрытого паутиной трещин зеркала на меня смотрит невысокая хрупкая девушка с бледной кожей. Тонкая длинная шея, треугольное лицо с изящными чертами и выразительными синими глазами. Нежные пухлые губки. Светлые длинные волосы.

На щеках красные пятна от нежных прикосновений любимой мачехи.

На обшарпанном столе в темном углу несколько свечных

огарков, пухлая от записей тетрадь и изгрызенные карандаши.

Отвратительная привычка! Реджина — ты ж леди, а не бобёр!

Но ведь просто так карандаши никто не грызет. Ну-ка, девочка моя, что тебя так угнетало и заставляло страдать? Или кто?

2.

Ну конечно! Всё дело в наследстве. Реджине через неделю стукнет двадцать один, она станет совершеннолетней и сможет потребовать причитающуюся ей часть отцовских богатств.

Но если она выйдет замуж до совершеннолетия, то всей её частью будет распоряжаться муж.

Вот теперь понятно, зачем леди Ивл весь год засылает к падчерице женихов из числа своих многочисленных племянников! Ей просто-напросто не хочется делиться. И отказы падчерицы выйти замуж за удобную для Ивл партию путают мачехе все планы.

Чтобы вынудить Реджину дать согласие на брак с нужным человеком, леди Ивл превращает жизнь падчерицы в ад. После очередного отказа девушку запирают дома, выпуская лишь в гостиную к очередному жениху.

Живопись, музыка, выставки, балы, ассамблеи и прочие способы провести время, которыми до смерти отца увлекалась девушка, теперь ей недоступны. Тотальная изоляция.

Была бы, если бы не юный Тони, сын кухарки, который втихаря снабжает Реджину газетами и журналами. А Генрих Виллемс, отцовский душеприказчик, дарит девушке рисовальные принадлежности.

Ну что. Осталась всего неделя. Продержусь!

Начинаю приводить себя в порядок. Ледяная вода смывает следы оплеух и заставляет глаза сиять.

Платье, подготовленное мачехой, просто верх безвкусицы. Может, тут и принято выставлять грудь напоказ всем желающим, но меня такой расклад не устраивает.

Надеваю простенькое розовое платье с глухим воротником и шнуровкой спереди. Волосы заплетаю в косу и укладываю короной вокруг головы. Обуваю стоптанные башмачки.

Я настроена решительно. Это должна быть последняя попытка со стороны Ив подсунуть падчерице (или подсунуть падчерицу под?) жениха!

Спускаюсь. Внизу не без злорадства ощущаю на себе полный ярости взгляд мачехи, стоящей в темном углу гостиной. Ее бесит, что я посмела вырядиться на своё усмотрение.

В богато обставленной комнате стоит, заложив руки за спину, молодой худощавый парень с жидкими усиками и в камзоле с широченными плечами, будто он забыл вынуть вешалку.

Так-так-так... Вспоминаю. Кузен Руперт. Суеверный, туповатый и упрямый как ишак.

План складывается мгновенно.

Я изображаю на лице широченную улыбку, будто слишком сильно затянула волосы на затылке, и подлетаю к жениху. Хватаю его за руки и начинаю тараторить:

— Наконец-то! Хоть один достойный человек, готовый выручить бедную сироту, — для пущего эффекта с обожа-

нием таращу глаза на Руперта.

Растерянность на его малохольном лице сменяется самодовольством. Он приосанивается, накладные плечи топорщатся. Я продолжаю выливать на него поток приторных восхищений:

— О, Руперт! Я так рада, что ты не веришь во все эти мракобесные суеверия и не боишься выдуманного проклятия!

Мачеха из угла сечет в меня колючий взгляд, а жених сдувается, словно воздушный шарик.

— К-к-какое проклятие? — лепечет испуганно он.

— Ну как же? Разве Ив тебе не рассказывала? Меня прокляла старая соседка-ведьма. Я тогда еще мелкой была, плевалась горохом через трубочку в ее окна. Она высунулась и предрекла, что мой муж помрет через полгода после свадьбы.

— Эт-т-то Карга Джейн п-п-предрекла? — Руперт оттягивает воротник, будто ему трудно дышать.

— Ой... Не помню! Ну такая... — вращаю глазами и, вцепившись мертвой хваткой в одну руку жениха, второй махаю в воздухе, рисуя абстрактный образ.

— Кривая и х-х-хромая? — Руперт белеет.

— Да-да... Она самая! Но я так рада, что хоть ты настолько здравомыслящий, что не купишься на эти бабкины сказки, — я прижимаюсь к трясущемуся жениху.

Он дергается, будто его коснулась змея, и отстраняется...

— Знаешь, э-э-э... — бросает недовольный взгляд на тёт-

ку. — Думаю, у нас ничего не выйдет.

Руперт пятится к выходу, стараясь держаться от меня на расстоянии.

— погоди! Ты куда? — бесцеремонно хватаю его за руку.
— А жениться?

Он нервно выдергивает руку и брезгливо вытирает ее о камзол. Отступает еще на шаг. Я неумолимо надвигаюсь на него. На моем лице написана решимость, как у купчихи Белотеловой из «Женитьбы Бальзамина», заарканить жениха.

Бедняга Руперт не выдерживает и не прощаясь выскакивает на улицу.

Я поворачиваюсь к мачехе и невинно хлопаю глазами.

— Как видите, я ему не отказывала. Он сам.

Ивл выходит из тени ко мне. Она выше изящной Реджины на голову. Наклонившись по-ястребиному, цедит:

— Думаешь, ты выиграла? Это мы еще посмотрим.

Разворачивается на каблуках и покидает гостиную. Яжимаю плечами и направляюсь в библиотеку, чтобы пополнить знания об этом мире.

Всю оставшуюся до совершеннолетия неделю меня не трогают. Покидать дом всё еще не разрешают, но зато не отнимают книги и не мешают болтать с круглой добродушной кухаркой Фро и ее нескладным сыном-подростком Тони.

Но самое главное, ко мне перестали приходить женихи! То ли Руперт предостерег их, то ли Ивл поняла бессмыслен-

ность затеи, но я наслаждаюсь относительным спокойствием.

Замуж после предательства Сержа, особенно в этом драконовом мире, где самостоятельная совершеннолетняя жена никому не нужна, как-то не тянет.

И вот наступает день рождения Реджины!

С самого утра меня ждут сплошные сюрпризы. И все неприятные.

2.1. Визуализация

Регина Королёва на утренней пробежке

Леди Ивл Фьорд

Реджина Фьорд

Драконарис — столица Эльдратории

3.

Торт?

Вечеринка?

Подарки?

Ну хотя бы захудалый фейерверк!

Раз-ме-чта-лась!

Несмотря на отсутствие всего перечисленного, мой день рождения начинается феерично. В комнату бесцеремонно врывается мачеха, прогоняя сладкий сон юности.

— Ну что, — по-змеиному улыбается она, когда я продираю глаза. — С днём совершеннолетия, Реджина. Будь добра, дорогуша, выметайся! — кивает на пару старых чемоданов у моей кровати. — Ты теперь взрослая, вот и иди получай своё наследство. Что получишь — тем и живи. А я за тебя больше не отвечаю.

Смотрю в ее холодные глаза и понимаю, что она не шутит. Высказав мне всё, она не уходит. Стоит в дверях и выжидающе смотрит.

Чего это она? Ждет, что я начну плакать, заламывать руки и умолять не выставять меня? Состарится — но не дождется!

Пожимаю плечами, поднимаюсь и не спеша собираюсь.

Вещей у меня немного. Пара нарядов, белье, зимний плащ с облезлым мехом и ботинки. Складываю в чемодан пись-

менные и рисовальные принадлежности и пухлую тетрадь. Засовываю расческу, зубную щетку и пару книг.

Я надеваю то же платье, что и в мой первый день в Эль-дратории, те же ботинки. Сейчас самая середина весны. Поэтому набрасываю издававшие виды твидовую накидку мышинного цвета и объемный серый берет.

Сумки полупустые. Зато нетяжелые.

Я испытываю облегчение, потому что наконец избавлюсь от контроля этой стервы. Более того, я уже знаю, куда направляюсь сразу по выходе из дома. Но Ив умудряется подпортить мне настроение даже в такой миг.

Аккуратно спускаю чемоданы на первый этаж в прихожую, прислоняю к входной двери, окидываю прощальным взглядом дом.

Ив следует за мною тенью. Когда я выхожу с поклажей на крыльцо и ставлю сумки, чтобы поправить берет, она вдруг выскакивает и вышвыривает мои вещи со ступеней. Напутствует меня отборной бранью и скрывается в особняке, одним мощным хлопком двери решив участь гипсового купидончика.

В груди поднимается возмущение. Бедная тихая Реджина всего-навсего отстаивала свою свободу! Это не повод выставлять падчерицу из дома. Ничего, меня ждёт наследство и воля!

Спускаюсь по ступенькам и направляюсь к чемоданам. Один из них от удара раскрылся. Мои вещи разлетелись и

украшают мощный тротуар. На брусчатой мостовой с оживленным движением белеет моя ночная сорочка.

И прямо на нее цокает, разбрызгивая черную весеннюю жижу, запряженная в экипаж лошадь. Ещё миг — и животное пройдет по тонкой ткани, а потом там же прокатятся громыхающие колеса.

Я устремляюсь на мостовую, выхватываю сорочку почти из-под копыта и готова уже метнуться обратно на тротуар, но нога в растоптанном ботинке поскользывается на грязи. И я падаю на спину прямо перед лошадью.

Удар о булыжную мостовую выбивает воздух из лёгких. Зажмуриваюсь от ужаса, понимая, что сейчас увесистые копыта проломают мне череп. Слышу ржание, брань, визги женщин.

Но дальше ничего страшного не происходит. Лишь многоголосый вздох, а за ним волна перешептывания.

Открываю глаза — перед лицом добротный мужской сапог размера эдак сорок пятого с квадратной металлической пряжкой. Веду взгляд выше и наконец вижу обладателя обуви.

И залипаю... Высокий, широкоплечий, с копной густых волос. Мужественный подбородок, крепкие руки, которыми он удерживает под уздцы испуганного коня. Конь мотает головой, бьёт копытом и пытается вырваться. Но мужчине словно все равно.

Он нерушимой глыбой возвышается надо мной, без ви-

димых усилий умиряя перепуганное животное. Затем мой спаситель бросает на меня сверху вниз насмешливый взгляд голубых глаз.

— Вы долго еще лежать собираетесь? — голос спокойный, глубокий, от него дрожит что-то в животе.

Щеки становятся горячими. Я подхватываюсь, встаю и быстро оказываюсь на тротуаре. Сжимаю в руках сорочку и понимаю, что пытаюсь спасти ее от грязи, сама перемазалась с головы до пят, как черт.

За спиной слышится нервное удаляющееся цоканье и грохот колес. Прохожие отмирают, и на улице вновь городская рутинная суета.

Вздыхаю и бреду к распахнутому чемодану и рассыпанным вокруг него вещами. Я еще и дойти до них не успеваю, как мой спаситель выныривает, словно из ниоткуда прямо передо мной. Он уже наклоняется, чтобы поднять ближайший предмет одежды.

Я с ужасом понимаю, что это панталоны — такие доисторические трусы, которые придумали еще, наверное, динозавры. Длинные — ниже колена, объемные, словно шаровары! И с прорезью на причинном месте.

Это как-никак нижнее белье. А я не любитель демонстрировать его на публику. Еще до того, как успеваю что-то сообщить, рефлекторно подаюсь вперед и всполошенно пишу:

— Не трогайте! Я сама!

Он выпрямляется и смеривает меня долгим насмешливым взглядом. В холодных голубых глазах, вспыхивают огоньки. Наконец он отвешивает учтивый поклон и отступает, пропуская меня к чемодану.

Краснея от смущения и отводя взгляд, подхожу к чемодану.

А затем чувствую руки навязчивого незнакомца у себя на спине. И они скользят вниз. Меня будто электрическим разрядом прошибает. Разворачиваюсь резко — берет слетает, а волосы очерчивают в воздухе полукруг.

— Вы что себе позволяете? — вскрикиваю возмущенно и втыкаю взгляд в нахала.

От того, что вижу, замолкаю и стою, открывая-закрывая рот, словно золотая рыбка, выброшенная на берег.

4.

Над раскрытой ладонью моего насмешливого спасителя в воздухе вращается шар из блестящей грязи. Из-за моей спины вылетают черные капли и ныряют в эту грязевую сферу. Завороженная, смотрю, как она разбухает до размера апельсина.

После этого незнакомец изящным жестом стряхивает ее на мостовую в лужу, в которой я до этого искупалась. Лужа с жадным чавканьем принимает дар.

— Не благодарите, — господин обворожительно улыбается, кланяется и уходит по направлению к центру города.

— Спасибо! — бормочу растерянно.

Что это было? Магия? Пытаюсь осмотреть спину и одежду. Ни следа грязи!

— Как вы?.. — срывается с губ, но я осекаюсь, потому что господин меня уже явно не слышит.

Вижу лишь его густую шевелюру далеко впереди. Прохожие расступаются, пропуская его, и почтительно держатся на расстоянии.

Спыхватываюсь и принимаюсь суетливо забрасывать вещи в чемодан. Закреть его сразу не получается. От удара защелка треснула. Приходится вынимать из сумки пояс и перевязывать им чемодан.

Я ловко справляюсь в одиночку. Сознание помнит, как

давно я, совсем девчонка, челноком моталась с огромными сумками, набитыми товаром. Тогда тоже приходилось пере-вязывать, обвязывать, скреплять, заделывать разрезы от но-жа в боках клетчатых баулов.

Покончив с узлом, выдыхаю. И тут слышу взволнованный голос Тони. Выпрямляюсь и вижу перед собой нескладного долговязого подростка с рыжей шевелюрой.

— Госпожа Реджина! Что вы тут делаете? — юноша стоит посреди тротуара, сжимая в руках букетик незабудок, и тарашит на меня круглые от удивления глаза.

— Начинаю самостоятельную жизнь! — хочется добавить в голос энтузиазма, но в тоне все же сквозит лёгкое уныние.

— Она вас выставила... — констатирует Тони.

Его губы сжимаются в тонкую линию, глаза сощуриваются. Он протягивает мне цветы:

— С днём рождения! Примите подарок. И подождите тут, пожалуйста... — парень сжимает кулаки, решительно под-нимается на крыльцо, открывает дверь и скрывается внутри

Вскоре из дома доносится звон посуды, крики, стук... Входная дверь распахивается, и на пороге появляются рас-трёпанный, но очень довольный Тони со стопкой книг под мышкой и пухлой котомкой через плечо.

За ним вышагивает его матушка — кухарка Фро. На лице решимость. В одной руке саквояж, второй она прижимает к груди объемную кастрюле с крышкой.

Они спускаются по ступенькам. Когда Тони с Фро оказы-

ваются на тротуаре, из двери выскакивает мегера Ив.

— И чтобы ноги вашей больше тут не было! — вопит она на всю улицу.

Морщусь и прочищаю мизинцем заложенное от ее визга ухо. Ей бы успокоительного. Лошадиную дозу...

При слове «лошадиный» мысленно возвращаюсь к образу насмешливого спасителя. Словно вживую вижу его глаза с огоньками и ироничную улыбку. С трудом стряхиваю наваждение и ощущаю, как горят щеки.

Юный Тони бросает через плечо:

— Ага! И не забудьте про выплаты за бессрочное и беспричинное прерывание трудового договора в одностороннем порядке. Потому что проявленные моей матерью жалость к госпоже Реджине достаточной причиной для увольнения не являются. Так что ждем вы ей должны двухмесячное жалование, госпожа Фьорд.

Ив стягивает с ноги ботинок и целится в Тони. Он, будто чувствуя, поворачивается к ней и с улыбкой кричит:

— А за оскорбление действием положен штраф! И компенсация.

Ив застывает в позе согбенной цапли, потом с каменным лицом принимает более удобное положение и ныряет в дверь. Оглушительный хлопок сотрясает дом, и рядом с осколками первого купидона со стуком падает второй и так же разлетается на мелкие кусочки.

На лице Фро расплывается счастливая улыбка. Она явно гордится сыном. А я в некоторой растерянности.

— Ты где такого нахватался? — спрашиваю, когда он с матерью подходит ко мне.

— Люблю посещать заседания по гражданским делам. Пришлось, правда, для этого устроиться в суд уборщиком.

— Ты хочешь изучать право? — догадываюсь я.

— Хочу, вот только вряд ли получится. Для простолюдинов в столичном университете крошечная квота — обычно два-три места в год. И на них претендует толпа купеческих сынков, которые по факту тоже из простого люда, но при деньгах и могут нанять хорошего учителя, — грустно улыбается Тони.

— Мы что-нибудь придумаем, — обещаю парнишке. — Получу наследство и посмотрю, что можно сделать.

Фро кидает на меня благодарный взгляд.

— Тогда, госпожа, — говорит твердо, — возьмите нас к себе в услужение. Тони всё отработает, каждую монетку, которую вы на него потратите! Да и идти нам, честно говоря, некуда. Рекомендации я от госпожи Ивл вряд ли получу.

Меня словно ледяной водой окатывает: я же не имею ни малейшего понимания, что и сколько получу в наследство! Только смутное представление молоденькой Реджины, которой всё всегда покупал папенька.

Пора завязывать с иномирными замашками, когда я могла проспонсировать выставку начинающего таланта или вложиться в сомнительный проект.

Может статься, что моё наследство — это нечто бесполезное и бесперспективное. А я тут кому-то чего-то обещаю!

С другой стороны, я ведь пережила в прошлой жизни всякое. И банкротилась, и даже подъезды мыла, но всегда выкарабкивалась.

Тем не менее меня точит тревога — то была понятная жизнь с более-менее ясными правилами. А у Реджины и, соответственно, у меня начисто отсутствует понимание, как ведут дела драконы и их подданные.

К душеприказчику отца Реджины Генриху Виллемсу я иду в сильнейшем волнении. Что меня ждет? На что я претендую?

5.

Фро вызывается постеречь мои чемоданы на скамейке недалеко от городского парка. Небо ясное, ласковый ветерок ласкает кожу, солнышко пригревает. Так что продуть ее не должно.

Мы с Тони отправляемся в контору Виллемса. Юноша не умолкает ни на мгновение, засыпая меня советами, как вести себя у нотариуса. Отвлекается, лишь когда мы проходим мимо мальчишки, продающего газеты.

— Горячие новости! — горланит тот. — Спешите узнать! Метаморфель Дюпон сбежал из тюрьмы Кастиг! Теперь никто не в безопасности!

Тони останавливается, шарит по карманам, выуживает пару медяков.

Мальчишка с газетами зорко следит за ним и, увидев монеты, деловито бросает:

— Э нет, дружище, этого не хватит. Газета стоит в два раза больше.

Тони вздыхает и прячет свое богатство. Но пройдоха-газетчик в этот миг говорит:

— Но если твоя подружка отдаст мне этот букетик, — указывает на незабудки, которые я держу в руках, — я готов тебе отдать газету.

У Тони вытягивается лицо. Он хмурится, сжимает губы

и цедит:

— Спасибо, обойдусь. Пойдемте, леди Реджина.

Хороший мальчик растет! Мой Серж ответил бы, мол, не может просить у дамы такой услуги, но кидал бы на меня щенячьи взгляды. А если бы я проигнорировала его попытки в актера драмы, то ходил бы потом и гудел, как шмель.

Я одной рукой протягиваю малыцу букетик, а второй делаю требовательный жест подать мне газету. Мальчишка без расшаркиваний и по-деловому совершает обмен, но под конец всё же с довольной миной изрекает:

— Распродам всё и побегу сестренке подарю! Она болеет, пусть порадуетя.

Тоже толковый мальчик! Не пропадет.

Беру газету и протягиваю Тони. Он смотрит на меня исподлбья с некоторой обидой.

— Я не скоро смогу поставить цветы в воду, и они завянут, — объясняю ему. — А так они мне уже подняли настроение, теперь повеселят больного ребенка и точно не пропадут. Я оценила твой подарок, он меня искренне порадовал. Но я буду радоваться сильнее, если смогу сделать что-то для тебя. Так что бери газету и расскажешь мне потом про этого марафетилия.

— Метаморфеля... — поправляет Тони.

Замолкает, открывает разворот и начинает читать прямо на ходу, едва не врезаясь в прохожих. Мальчик, конечно, хороший, но над манерами мы еще работаем. Идем неровными

зигзагами, потому что я постоянно дергаю Тони перед препятствиями или встречными.

Когда я выщепливаю его с дороги почти из-под копыт несущегося во весь опор всадника, сердце пропускает удар. А щеки горячают. Интересно, я теперь при каждом взгляде на коней буду невольно вспоминать черноволосого красавца?

В этот момент Тони складывает газету и с горящими глазами восклицает:

— Ух, леди Реджина! Что за фрукт этот Дюпон!

Память Реджины подсказывает, что идти еще минут десять. От волнения перед встречей начинает покалывать руки. Ничего не могу с собой поделать. Всегда принимала близко к сердцу предстоящие переговоры. Но виду не показывала.

Чтобы отвлечься от переживаний, спрашиваю:

— И что ты вычитал про эту метафорель?

— Метаморфели — это существа, которые могут принимать любой облик. Прикинуться хоть мной, хоть вами, хоть лошадью, — начинает Тони.

Я невольно вздрагиваю: опять лошадь!

— Дюпон самый сильный метаморфель за последние лет сто. В отличие от других собратьев, которые могут пребывать в чужом облике не более получаса, он в силах притворяться гораздо дольше.

Киваю в знак того, что слушаю.

— Но он пошел против закона и стал самым успешным вором в истории Эльдратории, — с нескрываемым осуждением рассказывает Тони. — Десять лет назад в Ночь Перехода он провернул самую громкую аферу.

Ночь перехода? Ах да... Местный ежегодный праздник, когда маги с помощью артефакта “Магнит душ” помогают неупокоенным душам перейти в загробный мир. До полуночи — ритуалы, а потом до утра — веселье в стиле Хеллоуин.

— Так вот, Дюпон запер верховного мага королевства в туалете, принял его облик и даже провел церемонию. После которой...

— Дай угадаю, — перебиваю, — что-то украл.

— Не просто что-то, а самый мощный “Магнит душ” в королевстве! Но Дюпон слишком долго притворялся верховным магом и к утру обессилел настолько, что вырубился в придорожной гостинице и проспал до полудня. Из-за этого не покинул вовремя номер, и вызванный управляющим отряд жандармов Дюпона арестовал.

Тони смотрит на меня с загадочной улыбкой, намекая, что это не конец истории.

— Но когда его арестовали, — вкрадчиво начинает он.

— Магнита душ при нем не нашли? — предполагаю я.

— Вот именно! Дюпон десять лет просидел в тюрьме. Ему обещали свободу, как только он выдаст, где спрятал артефакт. Но он упорно молчал. А вчера каким-то образом снял ошейник, который не давал ему пользоваться даром, пере-

кинулся в заключенного, которого должны были отпустить, и вышел на свободу вместо него.

— А что с тем заключенным случилось?

— Ничего хорошего, — мрачнеет Тони. — Его тело нашли на территории тюрьмы.

По спине пробегает холодок... Надо иметь в виду, что на свободе такой опасный тип. С другой стороны, я никак ни с ним, ни с магнитом душ не связана. Бояться мне особо нечего.

Память Реджины выводит меня на площадь, занятую разными конторами. Одно здание выделяется облицовкой стен из дымчатого мрамора и громадной двустворчатой деревянной дверью с резьбой и инкрустацией.

На стене рядом с дверью зеркальная табличка, в глубине которой горят, словно пламя, слова “Виллемс и Ко”. Подхожу к этому зданию.

Изучаю дверь, но не замечаю на ней ручки. Ищу глазами кнопку звонка или что-то на нее похожее, но не обнаруживаю. Зато цепляю взглядом болтающийся на шнуре из золотых нитей деревянный молоток.

Я оглядываюсь на Тони. Он пожимает плечами.

Беру рукоять молотка и стучаю по полотну двери. Никакого звука не слышу и решаю бить посильнее. Размахиваюсь, чтобы уже наверняка достучаться до хозяина конторы.

Когда молоток уже почти касается дверного полотна, створка вдруг распаивается внутрь, а на ее месте возникает

невысокий человек в белой рубашке, жилетке с вышивкой и рыцарском шлеме с забралом.

Удар приходится в висок, раздается зычный металлический лязг.

Я в ужасе замираю. Надеюсь, у него есть медстраховка...

6.

Человек в шлеме слегка отклоняется, но удерживается на ногах и через миг принимает прочное вертикальное положение. Я отпускаю проклятый молоток болтаться на шнурке и пытаюсь осторожно прикоснуться к пострадавшему.

Он быстро снимает шлем и смотрит на меня флегматичным взглядом. Ни намека на боль, злость или обиду. Лишь водянистый взгляд равнодушных глаз на не очень симпатичном лице с выдающимся носом.

— Вы в порядке? — спрашиваю взволнованно.

Он кивает и спрашивает гнусавым голосом:

— Вы по какому вопросу?

— Я Реджина Фьорд, пришла к Генриху Виллемсу получить наследство.

— У вас записано?

— Нет. Но мне срочно.

— Всем срочно, — бубнит не то швейцар, не то привратник.

Я оглядываюсь и не вижу рядом толпы желающих проконсультироваться с мистером Виллемсом.

— Тогда, — обращаюсь к недорослику, — я хотела бы записаться на консультацию.

Швейцар кивает и сообщает:

— В этом случае вам надо постучать три раза, — и вне-

запно захлопывает дверь у меня перед носом.

Я берусь за молоток и осторожно размеренно стучу. Дверь отворяется сразу после второго стука. На пороге тот же швейцар в шлеме.

— Извините, но сегодня консультации по заключению брачного контракта не проводятся, — снимая шлем сообщает он.

— Я по поводу записи к господину Генриху! — начинаю закипать. — Меня не интересуют брачные договоры.

— А зря! Вы ж теперь совершеннолетняя, госпожа Реджина, — флегматичный взгляд вдруг становится холодным и цепким. — Добропорядочные джентльмены не женятся на таких без гарантий, которые предоставляет брачный договор.

На этом он снова хлопает дверью. Я хватаю молоток и быстро отстукиваю по резному полотну три удара. Никакой реакции. Я уже представляю, как чудик высунется и прогнусавит: “Ваш стук очень важен для нас, но все швейцары заняты. Оставайтесь на пороге”.

Не дождавшись, я снова ритмично барабаню три раза и для верности замахиwaюсь четвертый. На этот раз створка распахиwaется мгновенно, но я в таком запале, что снова не успеваю остановить руку с молотком.

Попадаю прямо по жестяному лбу. Шлем издает колокольный звон. Швейцар пошатываясь делает шаг назад, чем я внаглую пользуюсь. Быстро врываюсь внутрь. Тони за мной

и закрывает дверь.

Меня покусывает совесть, бедного швейцара жалко. Но я напоминаю себе, что он прекрасно осознает, что его ждет, — даже шлемом обзавелся. В конце концов, если бы ему это не нравилось, он бы настоял на смене способа коммуникации с клиентами.

С другой стороны, если его так лупят молотком каждый день по несколько раз, то, может, и не осознает...

За спиной слышится голос, приглушенный шлемом:

— Вы куда? Без записи нельзя!

— Мне. Очень. Надо! — и прохожу в узкий темный коридор.

В нем несколько дверей в кабинеты нотариусов. Память Реджины подсказывает, что надо идти в последний. Я полна решимости отвоевать наследство именно сегодня, потому что идти мне некуда, и уверенно направляюсь к нужной двери.

Мне в спину летит гнусавый голос:

— Но госпожа! — в нем умоляющие нотки.

— Я только спросить! — бросаю за спину и подхожу к двери, на которой висит табличка с именем Генриха Виллемса.

Я никогда так не делала. Всегда ждала очереди и пропускала перед собой мамочек с детьми и вежливых старичков. Но сейчас в коридоре ни души, я ни перед кем не лезу. Стучу кулачком и захожу.

Генрих Виллемс сидит за дорогим столом из морёного ду-

ба в дорого-богато обставленной конторе в претенциозном кресле с искрящейся зеленым обивкой. Он невысокий, с залысинами, выдающимся носом и мясистыми губами.

Глубоко посаженные глаза, кажется, сканируют насквозь.

Реджина считала его другом. В последний год он единственный навещал ее и дарил ей подарки.

Генрих вцепляется взглядом в меня. Его рот разъезжается в улыбке.

— Реджина! — гнусавит он. — Поздравляю тебя с совершеннолетием. Мне очень прискорбно, что ты в такой возраст входишь одинокой старой девой. Подумай еще раз. Может, по-быстрому найти тебе мужа и задним числом оформить брак?

— Спасибо, дядя Генрих, но я как-нибудь сама!

Он хмурится.

— И что ты собираешься делать сама? — спрашивает не без скепсиса.

— Для начала надо понять, что у меня есть, — пожимаю плечами и сажусь в небольшое кресло напротив нотариуса. — Только после этого буду строить планы. Итак, на что я могу рассчитывать?

Генрих вылезает из помпезного кресла, идет к стеллажу с документами. Достает стопку пухлых папок и возвращается на место. Открывает свою кипу, вчитывается в документы, водит по ним пальцами и бормочет под нос:

— Так-так-так... Единственная дочь. Не замужем. Совершеннолетняя. По закону может претендовать на половину. Это если нет завещания. А таковое имеется. И по нему всё

отходит леди Ивл.

— То есть вы хотите сказать, что мне ничего не светит?
— спрашиваю ровным тоном, а у самой внутри назревает паника.

— Ну почему же? — Виллемс мусолит пальцы и переворачивает какие-то документы. — На такой случай закон предусматривает для вас долю в одну десятую от общего объема наследства.

— Ну так давайте ее сюда! — воодушевляюсь, вспомнив, что семья явно не бедствовала.

— Видишь ли, практически всё имущество твоего покойного отца сейчас пущено в оборот. Оно активно участвует в рыночной жизни. Некоторые дома и строения уже частично куплены акционерами. А такое имущество нельзя передавать другим лицам.

Это Ивл ловко придумала! За год, прошедший со смерти мужа, пустила почти всё имущество в оборот. Чтобы Реджи не могла ничего забрать.

— Тогда отдайте мою долю деньгами или ценными бумагами, — предлагаю я.

— Боюсь, что живых денег на счетах твоей мачехи тоже нет. Всё, что было, она вложила в недвижимость или в дела. Таким образом это уже ее собственность, и ты не можешь на нее претендовать.

— То есть она меня обворовала... — задумавшись, произношу я. — Ну что ж... Раз вы не в силах помочь мне, это

сделают жандармы и прокурор.

Я поднимаюсь.

— Сядь! — мягко приказывает Генрих. — Я нашел кое-что в бумагах. И мне кажется, это идеальный вариант! И стоит как раз одну десятую, и леди Ивл не успела до него добраться.

Виллемс протягивает мне бумаги. Я вчитываюсь и самой себе не верю — вот это удача!

7.

Держу в руках пожелтевшие от времени документы на дом. Плана нет, но есть многочисленные перечни и описания.

Если верить бумагам, то речь идет о трехэтажной вилле, на прилегающей к ней территории расположены конюшня, каретный двор, терраса, сарай, флигель, сад и палисад. По земле протекает ручей.

Усадьба называется “Транквилла”. Кажется, это что-то связанное со спокойствием.

Генрих терпеливо ждет, пока я ознакомлюсь с документами.

— Я бывал на вилле Транквилла, — вдруг мечтательно произносит он. — Давно, правда. Райское место. На восточном склоне горы, вдали от города... Твой отец устраивал там балы и приемы.

Я въедаюсь в каждую букву. В бумагах указана примерная стоимость владений. Солидная. Но и место, судя по всему, солидное. В конце концов, имение всегда можно продать, а деньги пустить в оборот. Поднимаю глаза на Виллемса.

— Я согласна. Хочу сегодня же отправиться в Транквиллу. Поэтому оформите мне поскорее бумаги.

Он кивает.

— Подожди за дверью. Можешь попросить у Гонга кофе

или чаю.

Гонг... Интересно, это имя или должность? От упоминания о чае или кофе желудок скручивается и подвывает, словно кит.

Выхожу из кабинета. Тони устроился у единственного окна в самом конце коридора и читает в скупом свете газету. Гонг, застывший у входной двери с шлемом в руках, гипнотизирует меня неприязненным взглядом.

От его флегматичного равнодушия не осталось и следа. Нет уж. Не буду просить у него кофе. Хотя есть и пить хочется до тошноты.

Нервно меряю шагами коридор от подобного горгулье Гонга до погруженного в чтение Тони. Туда и обратно. Туда и обратно. Руки занять нечем, глазу зацепиться не за что. В конторе никого, кроме нас.

Наконец из кабинета показывается Виллемс и просит меня пройти внутрь. Там с торжественным видом протягивает мне папку.

— Поздравляю с вступлением в наследство, леди Реджина. Как обустроитесь, зовите в гости.

Удостоверившись, что в документах указано мое имя, поднимаюсь и по привычке протягиваю руку для рукопожатия. Генрих пялится на нее некоторое время, потом с подозрением смотрит на меня. Но в конце концов осторожно пожимает кончики пальцев.

Я невинно улыбаюсь, хотя внутри меня расплзается хо-

лодный липкий страх. Не слишком ли подозрительно я себя веду? А вдруг кто-нибудь догадается, что я не Реджина? Что со мной сделают? Сожгут, как ведьму? Устроят акт экзорцизма?

Кажется, стоит вести себя немного осмотрительнее.

Покидаю кабинет и ощущаю лопатками прожигающий взгляд Генриха Виллемса. Вдруг он что-то заподозрил? Хочется убратся отсюда поскорее. Мне стоит огромных усилий не сорваться на бег.

Фро безмятежно сидит на лавочке в окружении голубей и сумок. Рядом с ней примостилась закутанная в шарф кастрюля. Мы пробираемся к ней через море оборзевших голубей, которые и не думают разлетаться.

Сажусь на скамейку рядом с кастрюлей.

— Леди Реджина! Вы, наверное, сегодня ничего и не поели. Вот я вам приготовила по особому рецепту рагу, — воркует Фро, вручает мне ложку и открывает кастрюлю.

Из кастрюли вырывается теплый пар с ароматом мяса. Рот мгновенно наполняется слюной. Заглядываю внутрь — золотая картошка, оранжевая морковь, темная говядина, разваливающаяся на волокна. Всё покрывает перламутровый жирный сок.

Я запускаю ложку прямо в кастрюлю. Мне так хочется есть, что не до этикета и приличий. Предвкушаю, как по языку разойдется первоклассная стряпня Фро, и не слышу приближающиеся лошадиный топот, крики и улюлюканье.

Я уже поднесла ложку с угощением ко рту, как на дороге показалась компания молодых всадников. Они гонят во весь опор, занимая всю ширину проезжей части. Встречные возницы резко уходят от столкновения, выезжают на тротуар, разгоняют прохожих.

Разодетых в блестящие и богатые одежды всадников преследует волна криков, ругани, ржания, собачий лай, звон разбитой посуды, свист жандармов. И вот теперь голуби решают испугаться.

Они взмывают всей тучей в едином порыве. И я оказываюсь в центре голубиногo апокалипсиса. Отъетые тушки сталкиваются, мечутся, крылья мельтешат перед носом, над головой. Перед глазами вихрь из перьев. Ничего не видно.

Слышу грохот, по ногам течет что-то теплое.

Через миг голубиная туча уже в бессмысленной панике мечется над крышами. А я смотрю под ноги и понимаю, что снова не поем. Всадники умчались вниз по улице. Их местоположение можно отследить по шлейфу криков и брани.

По подолу платья расползается жирное ароматное пятно. Смотрю на ложку в руке. В ней поверх картофельной дольки, переливающейся на солнце мясными соками, белеет перышко.

На Фро больно смотреть. Она печальными глазами уставилась на вывернутую на тротуар кастрюлю. Рядом уже крутятся уличные собаки, поедающие свалившееся на них почти с неба угощение.

— Что это было? — с непониманием гляжу туда, куда умчались всадники.

— Уличные гонки... — поясняет Тони, печальные глаза которого прикованы к разлитому под ногами рагу. — В последний год очень популярны у молодых дворян и купеческих детишек. Они так развлекаются.

Фро вскидывает на меня вопросительный взгляд.

— Что делать будем, госпожа?

Выдыхаю. Что мы имеем? Дом где-то на отшибе, три пустых желудка и пустые карманы.

— Фро, — спрашиваю задумчиво. — Ты знаешь, где находится Транквилла?

— Вам досталась в наследство эта усадьба? — она смотрит на меня с восторгом. — Я была там давно, но дорогу смутно помню.

— И далеко идти?

— Часа два, кажется... — неуверенно хмурится она.

— Тогда пойдем. Поедим уже там, — поднимаюсь со скамейки и беру свои чемоданы.

Из-за весенней распутицы путь занимает три с лишним часа. Ноги в прохудившихся ботинках сразу промокают и мерзнут. К жирному пятну от рагу на подоле прибавляется ансамбль капель коричневой грязи.

Сразу за городом усадьбы встречаются часто. Но чем дальше, тем виллы реже. Их сменяют крошечные деревеньки.

Серые хребты, вначале пути виднеющиеся где-то на западе, постепенно надвигаются. И вот уже дорога идет у подножия горы, зеленой внизу и искусанной дождями и ветрами по гребню.

Мы двигаемся по широкой дороге с разъезженными колесами. И вот Фро в неуверенности замирает перед развилкой. Хорошая дорога убегает вперед, а влево, в покрывающие гору кусты и подлесок, змеится едва видная, заросшая бурьяном тропа.

— Кажется, нам туда, госпожа, — бормочет кухарка, указывая влево.

Осматриваюсь и вижу шагах в тридцати на дороге господина в возрасте с седой окладистой бородой. Он идет не спеша, прогулочным шагом. Перед ним трусит белый лохматый барбос с дружелюбной мордой.

Прошу Фро и Тони подождать тут и направляюсь к путнику.

— Здравствуйте! — здороваюсь подходя. — Не подскажите ли, как пройти к усадьбе Транквилла?

— По той заросшей тропинке. А зачем вам? — с подозрением косится на меня господин.

— Я новая хозяйка усадьбы.

Он хмурится, борода воинственно щетинится, а в глазах появляются злые огоньки. Пес, до этого миролюбивый, скалит зубы и рычит.

— Ах вот как?! — угрожающе бросает господин. — От-

личная новость! Готовьтесь к встрече гостей! — и бодрым шагом устремляется в обратную сторону.

Провожая его ошарашенным взглядом. Что-то мне подсказывает, что это будет отнюдь не дружеский визит...

8.

Возвращаюсь к вымотанным Фро и Тони.

— Нам действительно туда, — стараюсь говорить весело, хотя на душе после слов бородатого господина тревожно.

Мы начинаем взбираться по тропинке. Продираемся через заросли, дорога едва различима в траве. Кошки, скребущие у меня на душе, вырастают сначала до размера манула, потом до габаритов рыси. Когда мы выбираемся из кустов, это уже тигры, копающие могилу моему спокойствию.

Ветер воет в зубастых скалах, заставляет шуршать ветви приземистых деревьев с остатками прошлогодней листвы. Тропинка, поворот. Мостик через журчащий ручей. И вот мы остолбенев пялимся на моё наследство.

Особняк темно-серой громадой вырисовывается на фоне зеленых гор. Он огромный. Три этажа, скатная черепичная крыша, местами позеленевшая, местами в зияющих провалах. Сбоку башня со шпилем. Стены в щербинах.

Особняк с пустыми глазницами окон похож на череп мамонта. Такой же старый, мертвый, страшный и пустой.

От мостика к дому ведет мощеная булыжником дорожка. В щели между камнями пробивается первая весенняя трава. Площадка перед крыльцом с отсутствующими через одну ступенями покрыта ковром из мха, подснежников и какого-то вьющегося растения.

Но буйство и яркость горных первоцветов отчего-то не радуют. Наверное, от осознания, что нас не накормят и не дадут отдохнуть с дороги.

Теперь понятно, почему Ив не успела пустить этот дом в оборот. Ловко они с Генрихом меня провели! И я хороша, конечно... Уши развесила. Поверила...

Но ничего не поделаешь. Теперь это моё имущество. Мы медленно и в унынии плетемся к парадному входу. Начинает накрапывать дождь. Само небо решило устро-

ить мне холодный душ. Ускоряемся и с риском переломать ноги забегаем на крыльцо. Подходим к массивной двери.

На ней светлеет криво висящий прямоугольный лист бумаги. Непогода смыла с него часть текста. Разобрать удастся лишь: «...в случае неустранения проблемы в срок до...
....подлежит... ..су»

Тяну ручку. Дверь не заперта. Открывается со стоном. Мы вваливаемся в темное помещение без окон. Из-за этого ничего не видно, но здесь, по крайней мере, не гуляет сквозняк и за шиворот не льется вода.

Шаги гулкие, будто мы в ангаре или на пустом складе. И вдруг раздается страшное рычание. Фро и Тони выскакивают за дверь, а я замираю и прислушиваюсь.

Вместо страха меня затапливает раздражение. Я злюсь. Я злюсь на пассивную Реджину, на ее мачеху, на пройдоху Виллемса, на голод, холод, мокрые ноги. И вот когда я наконец попала в относительно теплое, более-менее сухое и, главное, моё собственное место, а на меня еще и рычат! Меня хотят выгнать из собственного дома!

Не дождетесь! Меня братки из лихих девяностых не напугали!

Глаза уже привыкли к тьме, и я могу различить смутные силуэты. Оглядываюсь. Рядом с дверью чернеет подобие палки. Беру в руку. Тяжелый шершавый металл с запахом гари. Кочерга, что ли?

Перехватываю ее поудобнее, как бейсболисты биты в аме-

риканских фильмах, и осторожно приближаюсь к источнику звука в углу. Чем ближе подхожу, тем яснее мне становится, что это вовсе не рычание.

К храпящему в углу телу подхожу уже без страха. Успеваю нормально осмотреться. Теперь я вижу границы грандиозного холла. Угадываю лестницу по центру. Потолок теряется высоко во тьме.

На груди тряпок или чего-то подобного в углу дремлет некто грузный. Уже на расстоянии шагов десяти в нос бьет амбре перегара. Приближаюсь и тыкаю спящего кочергой в ляжку.

Тело подскакивает и садится, привалившись к стене спиной.

— Кто здесь?! — испуганно вскрикивает мужской голос.

— Я хозяйка этого поместья, а вы кто?

— Х-х-хозяйка? — бормочет с удивлением голос. — Э-э-э... Л-леди Ивл?

— Не угадал! — холодно отрезаю я.

— Тогда... — в голосе радость и растерянность. — Крошка Реджи? Как я рад тебя видеть! Иди сюда, где-то здесь я спрятал твою куклу...

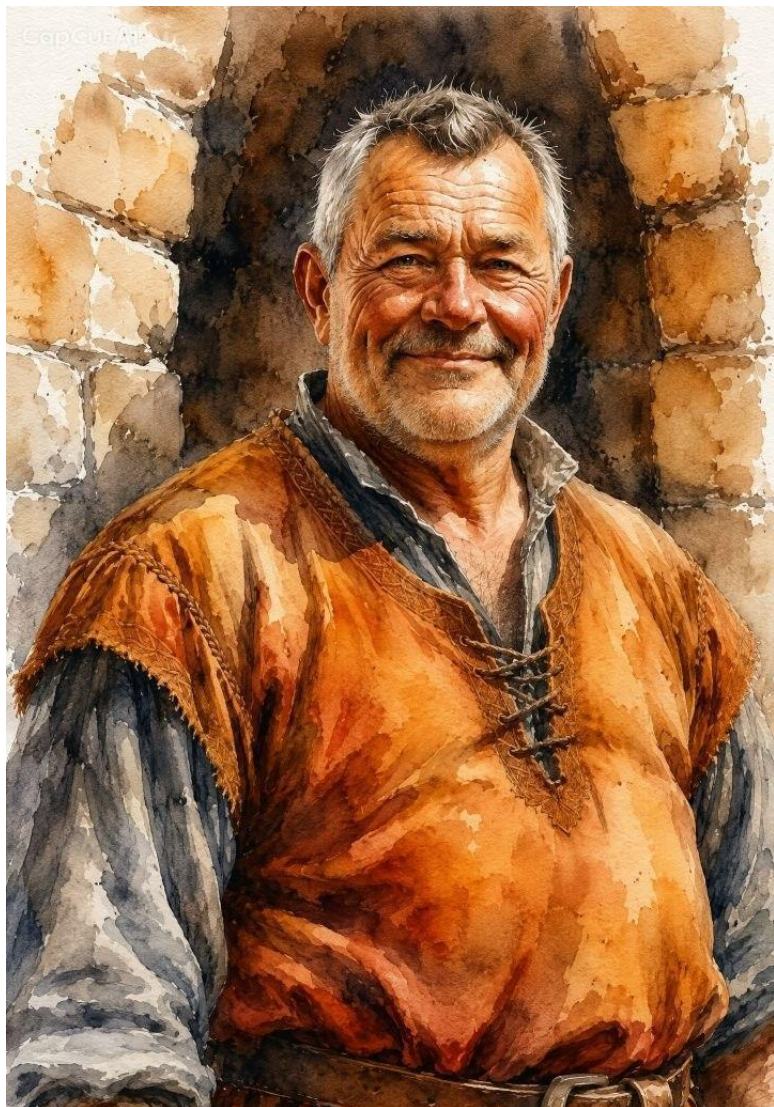
— Куклу? — хмурюсь и трясую головой.

— Ну да... Кудряшку Мэри, — тело начинает возиться, шарить вокруг себя, шуршать. — Ты ее забыла в последний раз. Я хранил. Вот только что-то не найду...

Память Реджины тут как тут.

— Боб? — неуверенно спрашиваю я.

— О! — в голосе слышится умиление. — Крошка Реджи меня помнит!

Боб... Глуповатый добряк, который выполнял простые поручения типа подай-принеси. Добродушный и словоохотливый, он нравился маленькой Реджине.

Боб всё еще шарит в темноте. Потом со вздохом встает. Причем не с первого раза. Его ведет и шатает.

— Ох, госпожа Реджина, — огорченно вздыхает он. — Я что-то не нахожу вашу куклу...

— Ничего страшного, Боб. Я уже давно не играю в дочки-матери.

— Да быть не может! Такая кроха и не играет? — в голосе ласка и усмешка. — Ни за что не поверю.

— Пойдем на крыльцо. Не хочу говорить в темноте.

Бреду к двери, открываю и вижу на крыльце Фро с полем и Тони с корягой. Оба сердитые, воинственные, с огнем во взгляде идут меня спасать. Жестом успокаиваю их, показывая, что все в порядке.

Выхожу на крыльцо и оборачиваюсь к Бобу.

Вижу невысокого, грузного, опустившегося человека с некогда добрым лицом. Красные глаза, лицо, как у шарпея, в морщинах. Стоит, ссутулившись, моргает и щурится на естественном свете. Засаленная грязная одежда лоснится на локтях. Фро растерянно вглядывается в него.

— Роберт? — с удивлением тянет она.

— Фро? — он удивлен не меньше. Переводит глаза на меня и испуганно бормочет: — А эт-т-то к-к-кто?

Фро пронзает его сердитым взглядом:

— Это леди Реджина Фьорд. Твоя госпожа! — затем морщит нос и спрашивает: — Ты когда последний раз мылся? И надевал чистую одежду?

— Так когда воду еще не перекрыли... — чешет в затылке Боб.

Отлично. С каждой секундой новости всё лучше и лучше! Чем еще порадует меня этот день?

— А почему дом в таком состоянии? — переходит в наступление Фро. — Где все?

— Так... Испугались, — пожимает плечами Боб, — и разбежались...

— Кого испугались? — встревает в разговор Тони.

И тут дом начинает трястись и стонать. Из провалов окон несутся крики, стенания, полные страдания и боли... По спине проносится холодок, волоски на руках вздыбливаются.

Из открытой входной двери раздается многоголосый вой: — Нас!

9.

Бледная Фро роняет полено и прыгает за спину сыну. Тони бледнеет и выставляет перед собой корягу, которую держит в руках. Боб охает и сгибается, хватаясь за ногу, на которую кухарка уронила полено.

Я в первые секунды представления пугаюсь. К испугу примешивается отчаяние. Слишком много неприятных сюрпризов для одного дня. Меня выгнали из дома. Обозвали старой девой. Облапошили...

В конце концов, я голодная и уставшая. А на меня орут. Во мне с треском что-то обрывается. И я начинаю хохотать. Это не истеричный смех и не смех безысходности. Мне смешно от абсурдности происходящего. Вся ситуация напоминает комедию в провинциальном театре.

Ревуны звереют и принимаются орать во всю силу. Но я по опыту знаю: кричат, когда не могут ничего сделать. Сколько я повидала рэкетиров-неудачников, жадных инспекторов, наглых покупателей, которые, почуяв собственную беспомощность, срывались на крик.

— Не ве-рю! — произношу по слогам и начинаю аплодировать.

Дом продолжает вопить, но уже как-то неуверенно. Кажется, даже немного стесняясь. Фро в изумлении смотрит на меня, на раскрытую дверь, снова на меня. И затем выходит

из-за спины сына. Тони расправляет плечи. Вопли постепенно затихают.

Я поворачиваюсь к Бобу.

— Что это было? — приподнимаю бровь.

Боб отпускает стопу, разгибается и отвечает:

— Призраки... Вы разве не знали?

Не отвечаю и задаю следующий вопрос:

— Они опасны?

Призраки вновь вопят, но я не обращаю на это внимания.

— В-в смыс-с-сле? — чешет в затылке Боб.

Терпеливо поясняю:

— Они кому-нибудь причинили вред?

Боб задумывается. Шестеренки в его голове крутятся совсем медленно. Всё это время особняк на разные голоса вопит: «Мы опасны! Опасны!» Роберт наконец отвечает:

— Да вроде нет, леди Реджина... Меня не обижали. Разве что девки, бывало, в обморок падали... Да однажды призраки шум подняли прямо под руки цирюльнику, который в тот миг брил вашего батюшку.

— И что? — перед мысленным взором тут же предстает картина: обнаженная шея, блик на старинной опасной бритве...

— Ну... Граф Фьорд два месяца ходил с одним усом. Его это так огорчило, что он с тех и пор не заезжал.

— Спасибо Боб, — киваю. — Значит, они не опасны. Тогда делаем вот что, — поднимая чемоданы, обращаюсь к Фро

и Тони. — Заходим, обустроиваемся и обедаем. Остальное — потом.

Мои приободрившиеся слуги берут свои пожитки и следуют за мной в темный и совершенно тихий холл.

— Боб, — прошу я, — включи свет!

— Л-леди Реджина, — запинаясь голос в темноте, — вы х-хозяйка. Только вы можете активировать люсьёлы.

— Что активировать? — пытаюсь найти в памяти Реджины это слово и не нахожу.

— Светящиеся шары, — слышится за спиной голос Фро. — Я не знаю, как это работает, но слышала, что владельцу достаточно попросить, и люсьёлы сами вспыхнут.

Ну хорошо. Я мысленно обращаюсь к дому и прошу дать немного света. Сначала ничего не меняется, а потом нас сверху заливают неярким желтоватым светом. Поднимаю лицо и вижу высоко над головой несколько светящихся тусклых сфер.

Осматриваюсь. Холл напоминает музейный запасник. В разных местах и вдоль стен навалены горы вещей, накрытых светлой тканью. Подхожу к громоздящейся по центру громаде и сдергиваю саван. Под ним диван, на который поставлены несколько кресел.

Холл покрыт паутиной, которая клочьями тумана свисает по углам. На полу ковер из пыли.

Следующие пару часов мы обживаемся в холле. В остальных помещениях из разбитых окон дуют ледяные сквозняки.

Только тут терпимая температура.

Мы снимаем чехлы, разбираем мебельные завалы. Выкидываем мусорную кучу, в которой спал Боб.

Я нахожу в кладовке метлу и швабру, отправляю Тони к ручью набрать воды в ведра. Желудок воет китом, но я не могу ни о чем думать, пока не наведу порядок. Часть чехлов пускаем на тряпки. Другую часть откладываем.

Моем пол в холле. Пыль хлопьями налипает на тряпки. Но в конце концов мы с ней справляемся. Пол с шахматной раскладкой сияет. Оттираем столики. Матовые от грязи и липких пятен поверхности начинают блестеть лакированными крышками.

Чистим резные двери. Приходится ковырять каждую досечку и плашку, въедаться в рисунки и трещины. Но игра стоит свеч. Холл преобразается. И пусть в нем обшарпанные стены, порванная обивка, покосившаяся мебель, но тут уже гораздо радостнее. Тут теперь не страшно ночевать.

В углу здоровенный камин, но нам не удастся его раскочегарить. Нет тяги. На каминной трубе затейливая мозаика, которую я долго рассматриваю и размышляю, как ее восстановить.

Через некоторое время сил не остается. Голод и усталость берут свое.

— Перерыв! — объявляю, подняв руку. — Надо поесть. Обращаюсь к Бобу:

— У тебя есть что-нибудь съедобное?

Горсть ржанных сухарей и пара бутылок ядреной жижи с запахом самогона — вот и всё, чем может угостить нас сторож.

Привидений наши мирские проблемы веселят. Дом разражается многоголосым смехом. Беру один сухарик и засовываю в рот. Пытаюсь размочить его слюной. Иначе рискую разгрызть не сухарь, а собственный зуб.

Рот наполняется ржаным вкусом, но одним вкусом сыт не будешь. Выхожу из особняка и в задумчивости бреду вокруг него. Сейчас около пяти вечера. Длинная тень от горы подползет к дому.

Я медленно гуляю вдоль стен, рассеянно глядя по сторонам. И тут мой взгляд выхватывает необычное зрелище. Быть не может! Еще апрель, а мне так повезло?!

Ну что ж, на сегодняшний вечер проблема голода точно решена.

10.

Недалеко от дома на зеленеющем склоне среди молодой травы замечаю круглые головки. Подхожу и без церемоний вывинчиваю гриб, изучаю пластинки под шляпкой. Да! Они пока не шоколадные, какими станут сильно позже. Но и не белые.

Это точно шампиньоны. Я слышала от подруг, что они якобы находили эти грибы ранней весной. Но относилась к их рассказам как к байкам. И вот теперь мне самой неслышанно повезло.

Набираю в подол шампиньонов и тащу добычу в особняк. На мокром после дождя крыльце собрались подышать свежим вечерним воздухом мои слуги. Ко мне подбегает Тони. Увидев грибы, удивленно присвистывает.

— Набери тонких длинных прутиков и заостри их с одной стороны, — бросаю ему и подхожу к крыльцу.

Фро и Боб спускаются ко мне.

— Боб, нужен огонь. Где ты обычно готовишь? — спрашиваю, когда они еще на подходе.

— Вон там кострище, — машет Роберт рукой в сторону сада и, заметив шампиньоны, мечтательно щурит глаза и поглаживает себя по животу.

Фро убегает в дом и возвращается с миской, в которую я высыпаю находку. Кухарка бежит с ней к ручью. Я принимаю

ую искать сухие ветки. После дождя это непросто, но всё же куча хвороста растёт.

Боб на небольшой площадке возится с неизвестным мне устройством в виде металлической палочки, похожей на ключ без резьбы. Он стучит по ней куском камня. Видимо, это кресало.

В кострище лежит пучок сухой травы. В него попадают высеченные Бобом искры, и вскоре у нас есть робкий огонек. Я бережно подкармливаю его хворостом.

— Найди два больших камня, — прошу Боба.

Через некоторое время мы вчетвером сидим вокруг костра и с нетерпением наблюдаем за нанизанными на прутики шампиньонами. Прутики, как на бортах мангала, лежат на двух растресканных камнях над угольками.

С краю костра стоит металлическая кружка из сумки запасливой Фро. В ней закипает вода.

Холодает. Смеркается. Лишь угольки краснеют в надвигающейся темноте.

Чтобы зря не тратить свободные минуты, обращаюсь к Бобу:

— Роберт, как ты тут очутился тут в одиночестве? Почему не сбежал с остальными?

— Так разве я могу покинуть пост, леди Реджина? — округляет он глаза. — Мне ваш батюшка сказал стеречь, я и стерег.

— А чем ты питался? Неужели одними сухарями? — мыс-

ленно прибавляю “и самогоном”.

— Ну... Когда тут еще были слуги, они меня кормили. А когда все ушли и я остался один, мне стали присылать корзину с едой каждую неделю. Правда, уже с полгода никто не приходил... Или около того. Не помню...

Интересно... Может, Ив хотела, чтобы и Боб ушел? Тогда дом точно пришел бы в запустение...

— И где ты брал еду? — продолжаю расспросы.

— Тут недалеко корчма есть, “Приют Дюпона” называется. Когда совсем припрет, иду туда и прошу какую-нибудь работу.

— “Приют Дюпона?” — подскакивает Тони, его глаза загораются интересом. — Это в честь того самого метаморфеля Дюпона назвали?

— Ага, — кивает Боб. — Его там и задержали. А чего зря славе пропадать?

Делаю зарубку на памяти: познакомиться с хозяевами корчмы. Есть-то мне и моим подопечным как-то надо. Денег у меня, правда, нет, но руки на месте и мозги имеются, а грязной работы я никогда не боялась.

— А когда тут привидения завелись? — уточняю у Боба.

— Да лет десять назад и завелись, — хмурится Боб. — Я очень хорошо запомнил, потому что скандал тогда случился. Ваш батюшка как раз только-только женился на леди Ивл и давал бал. Какая тут подготовка шла!

— О! Я помню! — подключается Фро. — Меня вызвали

из городского дома на помощь по кухне.

— Вот-вот! — кивает Боб. — Тогда еще верховный маг напился так, что на ногах не стоял.

— А потом выяснилось, что это и не маг был, а Дюпон! — наклоняясь вперед, шепчет Фро.

— Вот после этого бала призраки и появились, — подытоживает Боб.

Наконец Фро решает, что грибные шашлыки готовы. Мы разбираем их. В этот момент дом ехидно повизгивает разными голосами:

— Приятного аппетита! Смотрите, пальчики не откусите! Ням-ням! — за вскриками раздается демонический хохот.

Тони вздрагивает. Фро ежится. А Бобу всё нипочем. Он с блаженством уплетает ужин. С этими призраками определенно надо что-то решать, но я подумаю об этом завтра.

Шампиньоны без приправ и масла есть непривычно, но зато от них исходит приятный аромат дыма.

Пока совсем не стемнело, умываю лицо и руки в ледяном горном ручье. В это время размышляю о завтрашнем дне. Надо многое сделать. Обследовать дом, продолжить уборку, найти пропитание...

Укладываемся спать в холле кто на чем. Благо мебели тут сгрудили достаточно. Я размещаюсь на кушетке, Тони на софе, для Фро сдвигаем несколько банкеток, а Боб располагается в кресле.

Поднимаюсь рано и в разбитом состоянии. Я не выпас-

лась. И привидения тут ни при чем, хотя они поначалу пытались навести жути. Но даже они оказались бессильны перед храпом Боба, который разогнал призраков по дальним углам.

Завтракаем размоченными в воде сухарями, и я отправляю Фро с Бобом в корчму “Приют Дюпона” с корзиной соборанных с утра шампиньонов. Вдруг удастся выручить за них деньги или обменять их на продукты.

Мы с Тони готовимся обследовать дом. Я достаю тетрадь и изгрызенные карандаши, чтобы делать пометки. Призраки сопровождают наши приготовления ехидными комментариями и в конце концов переходят в режим фонового бухтения — ни дать ни взять — моя свекровь!

Как только я перестаю воспринимать этот зудеж как помеху и готовлюсь изучить банкетный зал, раздается громкий и настойчивый стук в дверь. Дом тут же наполняется хохотом гиены, рычанием, волчьим воем и прочими непотребными звуками.

Открываю дверь и вижу двух хмурых мужчин в мантиях и с седыми бородами. Сердце колет тревога. Настороженно спрашиваю у незваных гостей:

— Чем могу помочь?

Мужчины удивленно переглядываются, будто не ожидали никого здесь встретить, а затем один из них сходу огорошивает меня новостями.

11.

— Вы кто? Хозяйка? Отлично-отлично... Подпишите тут, — сует мне в лицо бумаги и перо в чернильнице. — И можем приступать к сносу.

Я отодвигаю от себя документы.

— К-какому с-сносу? — хмурюсь и от неожиданности заикаюсь.

— Ну как к какому? О котором вас предупреждали, — разводит руками тот, что повыше и без документов в руках.

— Когда это? — упираю кулаки в бока, оттопырив локти.

— Ну... Вам на дверь вешали предупреждение... — отвечает тот, что совал мне документы.

Ах вот что содержалось в том клочке бумаги! Ну ребята, не на ту напали. Комиссии, инспекции и проверки — это моя стихия.

— И что? — хмыкаю и упираю в гостей прямой взгляд.

Они молча переглядываются.

— Вы мне повесили на дверь не объявление, а какой-то ребус, — я не выходя из дома тыкаю пальцем в створку, на которой белеет обрывок с размытыми строками.

Гости продолжают угрюмо молчать. А я иду в наступление.

— У вас есть моя подпись о том, что я получила сообщение? Нет! Значит, я его не видела и не могла принять меры

по устранению нарушений. Так что сноса сегодня не будет. И вообще, на основании чего мой дом приказано снести?

Низкий перелистывает бумаги, доходит до нижней в кипе, которую держит в руках, и щурясь зачитывает:

— Приказ губернатора номер тринадцать от первого февраля сего года. За многочисленные хронические нарушения закона о призраках, а именно... Пункта три о содержании нелегализованных призраков, пункта пять о превышении норм по замогильному шуму, пункта десять о непринятии мер по устранению нарушений приказываю уничтожить источник потусторонней активности. На исправление ситуации дано два с половиной месяца с момента оповещения собственника источника потусторонней активности.

Выходит, мой дом собираются снести по приказу губернатора из-за шалющих в нем привидений. Интересно, что имеется в виду под устранением нарушений? Видимо, для начала лицензирование призраков... Как оно вообще происходит?! После лицензирования, наверное, изгнание или хотя бы снижение их потусторонней активности. Не было печали — черти накачали. Вернее, призраки.

— Ну хорошо, — отвечаю миролюбиво. — Вы мне передали приказ губернатора, можете отсчитывать два с половиной месяца. А я пойду устраню пару нарушений.

С облегчением захлопываю дверь и уже разворачиваюсь, чтобы направиться к застывшему у входа в зал Тони, как сзади снова раздается стук. Распахиваю дверь. На пороге всё та

же парочка.

— Два с половиной месяца еще не прошли! — хмуро сообщают им.

— Видимо, все же прошли, — победоносно улыбается высокий.

А низкий снова сует мне под нос документы.

— Вот, мы нашли! Подпись владельца, что он уведомлен о необходимости принять меры и о сносе дома, — он тычет толстым пальцем с чернильными пятнами в бумагу.

Я вижу изящно написанные инициалы ИФ, а рядом — подпись Виллемса и его печать. Вот же прохиндеи! Не могу не восхититься отточенностью и изощренностью их плана. Все предусмотрели... Кроме одного — я не Реджина.

Стараюсь не подать вида, что происходящее меня тревожит и даже пугает. Изображаю снисходительную улыбку:

— И что это?

— Ну как же... Подпись леди Ивл Фьорд, — напирает низкий.

— Я вижу, что это ее подпись. Но какое отношение она имеет к моему особняку? Его владелец я! Подождите!

Закрываю створку, чтобы эти двое не вошли. Иду к чемодану, достаю документы на дом и возвращаюсь к входу. Открываю дверь и демонстрирую приставам бумаги. Они вчитываются, какое-то время совещаются на крыльце в паре шагов от меня.

Наконец высокий с грустным видом сообщает:

— К сожалению, передача имущества не отменяет приказ губернатора. Поэтому сегодня мы все же снесем ваш особняк. Покиньте его немедленно.

Я отхожу в глубь холла и твердым голосом сообщаю:

— И не подумаю, — и усаживаюсь в массивное кресло.

— Тогда мы вас выведем, — с этими словами низкий переступает порог моего дома.

Приставы уверенно идут ко мне. Я краем глаза вижу, как Тони с метлой в руке бежит мне на подмогу. Успеваю рывкнуть:

— Тони! Не смей! Еще пришьют нападение...

Мальчишка замирает и отчаянно смотрит на меня. Я успокаивающе киваю ему, хотя на самом деле внутри меня паника и полнейшее непонимание, что делать.

Низкий пристав подходит к креслу, наклоняется и тянет лапу к моей ноге.

— Не трожьте госпожу! — возмущенно выкрикивает Тони. — Она не замужем!

Высокий пристав, который тоже уже рядом, с ухмылкой говорит:

— Зато совершеннолетняя! — и тянется к моей руке, вцепившейся в подлокотник.

Что тут начинается! На приставов со всех сторон обрушивается вой и крики. Словно в металлическую бочку засунули полсотни визжащих чихуа-хуа. Какофония звуков сдувает с низкого шляпу, а с высокого парик.

Мы с Тони уже как-то попривыкли за вчерашний день, поэтому “потусторонняя активность” не оказывает на нас такого сногшибательного эффекта. В отличие от приставов, которых словно ветром уносит.

Они выскакивают за дверь и захлопывают ее. И призраки замолкают. С той стороны двери слышится срывающийся голос высокого:

— Вам придётся выйти! Приказ губернатора должен быть исполнен!

Я встаю, подхожу к двери и громко отвечаю:

— Раз всё дело в губернаторе, пусть сам сюда и приезжает!

— Поверьте, он приедет, как только узнает о вашем неповиновении! — в голосе низкого ярость и угроза. — И мало вам не покажется. Мы немедленно ему доложим!

Вздыхаю, возвращаюсь в кресло и жду. Чем черт не шутит? Мало я что ли губернаторов повидала?

Через полчаса раздается стук в дверь, и уверенный мужской голос произносит:

— Разрешите войти! Я губернатор, и я приехал урегулировать ситуацию миром.

Устраиваюсь в кресле словно королева на троне. Принимаю максимально расслабленную и величавую позу, хотя внутри я подобралась, как антилопа на берегу крокодиловой реки.

Меня ждут нелегкие переговоры, в которых у меня нет козырей. Всё, что мне остается, заставить собеседника почув-

ствовать себя не в своей тарелке. Именно поэтому я попросила Тони вынести все стулья, а сама продолжаю по-царски восседать в кресле. В холле остались лишь громоздкие диваны и софы.

— Входите! — приказываю я.

Дверь открывается, и я вижу большую атлетичную фигуру губернатора. И открываю рот от удивления. Такого просто не может быть!

Насмешливые глаза губернатора с золотыми искорками вспыхивают всего на мгновение.

— Приветствую, леди Фьорд. Я Ричард Фламберг. При нашей первой встрече не успел представиться, спешил по делам, — полуулыбка трогает красивые губы визитера. — Смотрю, вы любительница необдуманных и рискованных решений. То под лошадь бросаетесь, то на госслужащих призраков натравливаете...

Почему-то кровь приливает к щекам, хотя в нападении привидений на приставов моей вины точно нет.

— Они всего лишь защищали меня от произвола ваших подчинённых, — отвечаю холодно, стараясь успокоить скачущее в груди сердце.

Ну кто бы мог подумать, что жизнь снова столкнет меня с вчерашним укротителем лошадей!

Ричард вскидывает бровь:

— Мои подчинённые всего лишь выполняли свою работу. А вы им препятствовали.

— Хороша работа — выселять беззащитную девушку из ее единственного жилья! — стараюсь держать ровный тон.

— А документы на дом у беззащитной девушки есть? — с некоторой долей иронии спрашивает Фламберг.

Я протягиваю ему папку с моими бумагами.

Ричард подходит, берет ее и оглядывается в поиске стульев и стола. Ха! Как бы не так. На моей территории ты будешь играть по моим правилам.

Мысленно потираю ладони. Я веду! 1:0. Но дальше происходит то, чего я не предусмотрела. Фламберг подходит к одному из диванов, не напрягаясь приподнимает его, легко переносит и ставит напротив моего кресла. 1:1.

Моя челюсть отвисает. Это неконтролируемая реакция. Хорошо, что губернатор в этот момент усаживается на диван, глядя на папку, и не смотрит меня. Осознав, что я замерла с открытым ртом, тут же захлопываю его. Получается почти незаметно, не считая громкого клацанья зубов.

Фламберг тут же вскидывает голову и прожигает меня взглядом. Я из последних сил изображаю невозмутимость. Усмехнувшись, мой гость снова возвращается к изучению документов.

Некоторое время сидит молча. Потом вдруг спрашивает:
— Вы действительно не знали об обременениях, вступая во владение этим домом?

— Отцовский поверенный ничего не говорил, и в документах ничего не было сказано.

Тут я уверена, потому что на документах собаку съела ещё в прошлой жизни. Всегда изучаю все внимательно и читаю мелкий шрифт.

— Тогда как вы объясните это? — Фламберг протягивает мне документы и втыкает в меня холодный взгляд.

Не поднимается. Ждёт, когда я подойду. Вынуждена признать, что он ведёт со счётом 2:1. А представив, как я сейчас буду выбираться из глубокого кресла — совсем не грациозно и не соблазнительно — понимаю, что уже 3:1.

Внутренне досаую. Это ж надо, чтобы при каждой встрече я выступала в роли посмешища! То перед кобылой в грязи разлягусь, то мои панталоны вся улица видит, то мои призраки на его подчинённых нападут...

От этих размышлений щеки снова вспыхивают. Вылезаю из кресла. Когда поворачиваюсь спиной к Фламбергу, стараюсь незаметно прижать ледяные ладони к лицу, чтобы остудить его немного. Хочется верить, что помогло.

Поворачиваюсь и подхожу к дивану. Беру документ и под пристальным взглядом Ричарда изучаю его. Буквы прыгают перед глазами и сложить их в слова, а тем более в осмысленный текст, получается не сразу. А когда получается — ощущаю, что за шиворот словно ледяной воды налили.

Это информирование об обременениях на оборотной стороне свидетельства о владении. Но я готова поклясться, что этого текста не было, когда я читала документы вчера. Я ж говорю — я всегда всё перечитываю!

— Что скажете? — Фламберг упирает в меня сосредоточенный взгляд.

— Что тут нет моей подписи, — я демонстративно перелистываю перед его глазами весь документ, где на каждой странице с текстом моя подпись. Пустые бумаги я никогда

не подписываю. — И что этого текста в документе вчера не было.

Я понимаю, как это выглядит. Всё, чем я располагаю, — это моя железобетонная уверенность. Против бумаг, которые я сама же и вручила губернатору для изучения. Сердце снова пускается вскачь.

Фламберг отодвигает папку, откидывается на спинку, и в его насмешливом взгляде вновь вспыхивают золотистые искорки.

— И вы думаете, я в это поверю?

Сердце срывается в галоп. Мысли мечутся в голове. Ну же, Регина! Если ты сейчас ничего не придумаешь, то потеряешь всё. Останешься у разбитого корыта... Подведешь Фро и Тони, которые тебе доверились. предашь верность Боба!

— Я думаю, — нащупывая во мраке светлую идею, отвечаю медленно я, — что вам стоит повременить, чтобы разобраться с тем, как в документе сам собой появился текст, которого не было. Возможно, это просто ошибка...

По лицу Фламберга ничего не понятно. Он молча смотрит на меня.

— А возможно, это какой-то фокус, — продолжаю я.

Ну а вдруг? Он вчера магией вытащил из моего платья грязь. А вдруг тут можно магией сделать на чистой бумаге записи?

— А чем вы займетесь, пока я буду проверять ваши документы? — не сводя с меня глаз спрашивает Ричард.

— Устранять нарушения! Чтобы вы отстали наконец от моего дома!

— Знаете, в чем проблема? — Фламберг вдруг поднимается и оказывается почти вплотную ко мне. Чтобы сохранять зрительный контакт, мне приходится запрокинуть голову. — Кроме ваших слов, у меня нет причин отправить документ на экспертизу.

— Вы просто боитесь! — вдруг выпаливаю я и сама дивлюсь собственной наглости.

— Боюсь? — иронично приподнимает бровь губернатор. — Интересно, чего?

— Что я права, и документ заколдованный!

— Ну допустим, что я возьму на проверку вашу папку. А что будете делать вы?

— Сказала же — устранять нарушения! — стою на своем я.

И тут Фламберг начинает хохотать. Отсмеявшись, вновь смотрит на меня сверху вниз.

— То есть, — весело спрашивает он, — вы собираетесь утихомирить привидений, которых до вас в течение десяти лет не могли утихомирить взрослые серьезные дяди?

Какой же он несносный! У меня, кажется, сейчас пар из ушей пойдет от возмущения.

— Да! И я это сделаю. Хотите, поспорим, — выставяю руку для рукопожатия, — Что через месяц у вас не будет причин сносить мой особняк.

Фламберг переводит взгляд с моего лица на мою руку и бросает:

— Нет!

У меня от этих слов все обрывается внутри. А ведь я думала, что у меня получится отсрочить снос.

— Нет, — повторяет губернатор. — У меня есть другое предложение!

13.

Молча смотрю на Фламберга, пытаюсь понять: другое предложение — это хорошо или плохо? Решаю не ломать мозги, пока не услышу. А там решу.

— И какое? — по-деловому, без кокетства спрашиваю у губернатора, встречая его взгляд. Руку продолжаю держать на весу.

В его глазах загораются огоньки азарта.

— Неделя, — отрезает он. — Мы, как вы и предложили, поспорим. Но я даю вам неделю на перевоспитание вашего балагана.

— Сам ты балаган! — сварливо огрызается некто невидимый.

Затем какое-то время дом кричит и улюлюкает на разные голоса. Завершается спектакль хохотом в лучших традициях гиен.

Все это время я стоя с протянутой для рукопожатия ладонью и пытаюсь выглядеть невозмутимой. Моя улыбка, наверное, все больше напоминает судорогу. Фламберг откровенно наслаждается представлением.

— Принимаю! — спокойно говорю я, когда концерт завершается. — Через неделю вы увидите, вернее услышите, перевоспитанных и благообразных призраков. Но это повышает ставки. Что я получу, когда выиграю пари?

— Если, — выделяя первое слово, отвечает Фламберг, — вы выиграете спор, я исполню любое ваше желание. Но если вы проиграете, исполнять мое желание будете вы.

— Идет! — звонко отвечаю я, внутренне содрогаясь от тихого ужаса.

Мы скрепляем договор рукопожатием. Ладонь Фламберга крепкая и теплая. От ее прикосновения по телу словно электрические мурашки разбегаются.

Я собираюсь оглянуться, чтобы позвать Тони разбить рукопожатие, но в этот момент наши сцепленные ладони обволакивает золотое пламя. С испугом смотрю, ожидая боли или жжения, но вместо этого по коже пробегает легкий ментоловый холодок.

Через мгновение пламя рассыпается сверкающей пылью и тает в пространстве.

— Договор заключен, — бросает Фламберг и отпускает мою руку.

Вот попала так попала! Судя по всему, это какой-то магический ритуал. И теперь я связана не просто честью, а неким колдовством.

Фламберг поднимается, обворожительно улыбается и относит диван туда, где его взял. У него это выходит так беззаботно и непринужденно, будто он только и делает, что переносит мебель.

Фламберг возвращается ко мне. В руках держит папку с моими документами.

— Разрешите откланяться. Дела не ждут. А это, — он помахивает моей папкой, — я возьму с собой.

Губернатор учтиво кланяется, ещё раз проходится по мне насмешливым взглядом и покидает особняк, осторожно прикрыв за собой дверь.

Я пячусь и без сил падаю в кресло. Поднимаю руку и внимательно рассматриваю ее, пытаюсь найти изменения. Рука как рука. Никаких золотых искорок... Только волосы на предплечье немного вздыблены...

Дверь в зал открывается и показывается Тони. Вид у него виноватый.

— Госпожа, — говорит, подходя ко мне, — вы извините, но я немного подслушал. Оно само получилось...

— Ага, само-само... — злобно посмеивается пространство у меня над ухом. — Споткнулся и упал ухом на дверь!

По особняку рассыпает вредное хихиканье. Тони краснеет.

— Ой, успокойся, — отмахиваюсь. — Я прекрасно осознала, что ты все услышишь. Что скажешь? Ты же немного понимаешь в законах? Есть ли у меня какие-то шансы оспорить снос дома?

Тони, заикаясь, произносит:

— Т-т-только, ес-сли экспертиза покажет, что текст про обременения на обороте действительно появился потом.

— Ошибаетесь, молодой человек! — вдруг говорит некто скрипучим старческим голосом. — Вы можете подать в суд

на поверенного и на опекуна и попытаться доказать, что они ненадлежащим образом распоряжались имуществом, завещанно переходящим в вашу собственность.

Мы с Тони переглядываемся. Мальчик наконец отвечает пространству:

— Теоретически да, но я не помню, чтобы за последние пару лет такие иски выигрывали в суде.

Пространство надменно фыркает:

— Это потому что у истцов не было грамотного адвоката!

— Уважаемый, а вы случайно не адвокат? — с надеждой спрашиваю у невидимого собеседника.

— Случайно нет, — посмеивается тот. — Но я их готовил в Академии права Драконариса. Я, между прочим, профессор Лекс!

Мне это имя ничего не говорит, но вот Тони впечатлѐн. Он округляет глаза и забывает вдохнуть. Затем дрожащим от подобострастия голосом спрашивает:

— Тот самый Юрид Лекс, который составил юридическую энциклопедию Лекса?

— Шмекса! — передразнивает собеседник. — Конечно, тот самый. А что, появились другие профессора Лексы?

Тони смущенно пожимает плечами:

— Да вроде нет...

Во мне вновь вспыхивает желание идти до конца и хвататься за любую возможность.

— Господин Лекс! — обращаюсь к пространству. — Мо-

жет, вы вспомните былое и поможете мне составить иск и выиграть суд?

Наступает тишина. Мы с Тони напряженно вслушиваемся, пытаюсь угадать настроение призрака.

— Предложение заманчивое... — наконец отвечает призрак. — Но есть одна загвоздка. Я не смогу представлять вас в суде. Неведомая сила удерживает меня тут и не дает покинуть пределы дома.

— Вы подготовите меня и скажете, что отвечать и какие вопросы задавать, — предлагаю я.

Призрак грустно посмеивается.

— А вы бойкая девушка... Боюсь, что и этот вариант не подойдет. Может, молодой человек ответит почему? — видимо, этот вопрос адресован Тони.

Тот выпрямляется и чеканит:

— Во-первых, особы женского пола не могут самостоятельно представлять в суде свои интересы. Во-вторых, в таких делах наличие адвоката просто необходимо. Традиция. Без него нельзя.

— Неплохо-неплохо, молодой человек, — хвалит юношу профессор. — В вас явно есть склонности к правоведению...

Тони краснеет и смущенно улыбается.

И тут меня осеняет.

Делаю вдох, чтобы озвучить необычное предложение. От предвкушения покалывает пальцы. У меня в голове совершенно безумная идея. Но если она прокатит, то я убью не

одного, а двух, а может, даже трех зайцев.

14.

— Господин Лекс, — начинаю озвучивать шальную мысль, — а не хотите ли вы подготовить Тони?

Глаза Тони округляются так, что становятся похожи на куриные яйца. Призрак молчит. Продолжаю:

— Вы уже отметили, что у него склонности к правоведению. Он и сам мечтает выучиться на юриста. Но он беден, и без вас у него нет шансов...

Лицо Тони озаряет светлая надежда, будто внутри у мальчика включили лампочку.

Ох, как я его понимаю! Я мечтала поступить на дизайнера, но все деньги семьи уходили на приобретение товаров, аренду точки, оплату дороги... А когда наконец появились свободные средства — не осталось свободного времени. Образование я в итоге получила. Экономическое. Заочное. Но мечта стать дизайнером живет во мне до сих пор.

Юрид Лекс все ещё молчит. И когда я теряю надежду, он вдруг дипломатично кашляет.

— Это... интересное предложение... — говорит он. — Тем более через месяц, в середине мая, начнутся вступительные экзамены в Академию. А студенты уже имеют право выступать в суде... Но...

Я подбираюсь, услышав это чёртово но. Стараюсь не смотреть на Тони. В его душе сейчас, наверное, буря. И это я ее

начала. Я дала ему призрачную (во всех смыслах этого слова) надежду, что его мечта может исполниться.

— Но я не представляю, как подготовить абитуриента за месяц! — растерянно завершает Лекс. Я представляю, как он разводит руками в этот момент.

— Ну, что я и говорила, — вдруг раздаётся сварливый женский голос. — Как тебе выпадает более-менее интересная и сложная задача — так ты голову в песок прячешь! А ещё говорил, что прирожденный педагог и что даже крысу обучить в состоянии... — за этим следует ехидный смех.

Мы с Тони в полнейшем шоке переглядываемся. Вот уж не ожидала, что кто-то из призраков станет моим союзником.

— Ой, леди Лонгнуоз, — встревает третий голос, — да отстаньте вы от него. Он просто всё ещё никак не может отойти от того постыдного пари с профессором Адукато.

Мне кажется, или этот пассаж пропитан ядом...

— А вот и нет! — спорит Лекс. — Адукато тут ни при чем. Да и чего мне отходить от того пари. Я проиграл и забыл.

— Ну-ну... — посмеивается Лонгнуоз. — Да весь Драко-нарис в курсе, как ты облажался. Не смог выиграть в суде у мальчишки, которого сам же и обучил...

Вмешиваюсь, чтобы совсем не потерять контроль:

— Так это же показатель его профессионализма! Не каждый готов настолько вложиться в ученика, чтобы позволить ему превзойти себя.

— Вот именно! — поддакивает Лекс. — Слышала, Лонгноуз? Эта девочка в три раза младше тебя, в соотношении лучше в триста!

Третий собеседник, имени которого мы ещё не знаем, хмыкает. Я хватаю быка за рога. Обращаюсь в пространство, как игроки элитарного казино “Что? Где? Когда?” к невидимому ведущему.

— Господин Лекс! Неужели в обществе есть сомнения в ваших навыках и способностях? Сейчас вы можете доказать всем, что в состоянии обучить прекрасного специалиста. Неужели такой пустяк, как смерть, вас остановит?

— Вы правы, юная леди! — голос профессора крепнет и наполняется уверенностью и гордостью. — Конечно, я в состоянии! Я же профессионал. Начнем немедленно!

Тони ошарашен и не сразу верит своему счастью. Хотя что-то мне подсказывает, что учиться у призрака — та еще задачка. Со звездочкой.

— Отлично, Тони, — подбадривающе улыбаюсь ему. — На время уроков ты свободен от дел. Господин Лекс, ему для учебы, наверное, понадобятся какие-то вещи. Что надо раздобыть в первую очередь?

— Любому будущему юристу в первую очередь требуется одно, — наставительно произносит профессор.

— Книги? — уточняю я.

— Нет, — отрезает Лекс.

— Тетради? — пытаюсь угадать.

Профессор хмыкает:

— Нет!

— А что тогда? — с растерянностью спрашиваю я.

— А вот мы проверим молодого человека... — в голосе профессора угадываются задор и предвкушение. — Ну, Тони, что тебе надо в первую очередь, чтобы стать юристом?

— Черную мантию! — мечтательно глядя в потолок отвечает юноша.

Я, честно говоря, шокирована ответом. До этой секунды Тони казался мне совершенно нормальным. А вдруг теперь профессор передумает учить столь легкомысленного мальчишку?

Но профессор с восторгом восклицает:

— Именно, мой мальчик!

Да ладно! Что ж... В каждом домике свои законов томики... Есть, правда, одно препятствие.

— Эхм, — покашливаю в кулак, — проблемка! Сейчас мы не можем купить мантию. Ни черную, ни белую. Никакой. Денег ни гроша. Если и появятся, там будут жалкие монетки.

— Ну так купите черную ткань! — с интонацией “ну как можно этого не знать” бросает третий призрак. Мне кажется, если бы у мадам были глаза, они бы закатились куда-то в основание черепа. — Это дешевле.

— И что мне с нею делать? Я не швея, Фро вроде бы тоже. Боб? Сомневаюсь... — со скепсисом произношу я.

— Тогда считайте, что вам повезло! — заносчиво выдает

привидение. — Ведь перед вами неповторимая Сарта Шнайдер, модистка и лучшая в Драконарисе портниха!

Мне кажется, день складывается удачно! Снос особняка отсрочен. Я почти заполучила бесплатного адвоката и бесплатного наставника для Тони, правда, теперь придется потратиться на мантию.

С другой стороны, призраки хотя бы не орут, а идут на контакт. Если я смогу занять каждого, то, кто знает, — может, выиграю спор у Фламберга?

— Госпожа Шнайдер! — выдавливаю из себя улыбку. — Это такая честь! Ваши советы и руководство будут весьма кстати, потому что нитка с иглой из моих рук выскальзывают, словно мылом намазанные...

— Я подумаю, — высокомерно отвечает привидение.

В этот момент в дверь стучат. Иду открывать, надеясь, что это Фро с Бобом. Хотя с чего бы им стучать?.. Распахиваю дверь и замираю в недоумении, увидев незваных гостей. Зачем они явились?

15.

На пороге мачеха и господин Виллемс.

— О, моя бедная Реджи! — театрально сочувствующим голосом стонет Ивл и, раскинув руки, дергается ко мне в попытке обнять.

Я отшатываюсь. На лице мачехи явственно проступает досада, но через миг она сменяется печальным изломом бровей и опущенными уголками губ. Виллемс, соорудив скорбную гримасу, покровительственно похлопывает меня по плечу.

— Ничего-ничего, девочка моя, мы поможем тебе пережить это...

Я веду плечом, сбрасывая руку адвоката, и уточняю:

— Пережить что?

Ив и Генрих переглядываются и снова с сочувствием смотрят на меня. Адвокат разводит руками:

— Ну как что? Снос дома, конечно. Ты ведь только-только его обрела и уже вынуждена его потерять.

— Я уже подготовила тебе комнату, — медовым голосом поет мачеха. — Поживешь какое-то время у меня. А потом мы тебя пристроим, найдем тебе мужа. Правда, вряд ли кто-то достойный согласится взять в жены старую деву.

Вот как мы заговорили! Интересно, с чего бы? И еще интереснее, почему эти двое держат меня за дуру?

— Спасибо, Ив, — отвечаю таким же медовым голосом.

— Но я вчера осознала, что мое присутствие тебя раздражает. Мне на это намекнула одна малозаметная деталь — мои вещи, разбросанные по тротуару после того, как ты вышвырнула мой чемодан.

Виллемс кидает на мачеху осуждающий взгляд.

— И что-то неуловимое в твоем голосе, — продолжаю я, — наверное, слова “Пошла вон”. Так что извини, но я вынуждена отклонить твоё предложение. Не хочется тебя стеснять.

Ив становится красной и сжимает челюсти. Глаза злобно сверкают, а между бровей ложится морщина. Кажется, ещё миг — и у неё из ушей пар повалит.

— Ну-ну, милая, — снова по-отечески касается моего плеча Виллемс, — не упрямысь. Долг родственницы тебя приютить. Она же не может оставить тебя без крыши над головой...

Отстраняюсь и снова дергаю плечом, второй раз скидываю руку Генриха.

— С чего вы взяли, — упираю взгляд в Виллемса, — что моей крыше грозит опасность?

— Ну тут же висело предупреждение... — пожимает плечами он.

— А откуда вы знаете? Вы же вчера говорили, что не были здесь лет десять.

Он замолкает. Теперь у него на лице досада. И теперь Ив смотрит на него с укоризной.

— Ну... Я немолодой человек, — находится он и даже выдавливает из себя квакающий смех. — Просто забыл...

Смотреть на то, как человек пытается тебя обмануть, когда ты уже знаешь правду, — ни с чем несравнимое удовольствие. Наверное, в прошлой жизни я была каким-нибудь следователем.

Тьфу-ты, Регина! Ты прекрасно знаешь, кем являлась в прошлой жизни!

— Если забыли, то откуда сейчас прознали о сносе? — в моих словах всё еще елей с патокой. — Не потому ли, что Ив ставила подпись под уведомлением?

— Да, точно, именно оттуда... — бормочет Генрих.

— То есть вчера, выдавая мне документы на наследство, вы знали, что дом находится под угрозой сноса?.. И совершенно случайно забыли сказать мне об этом? — от сладости в моем голосе не остается и следа, он теперь холодный — не мед, а лед...

Зря я, конечно, раскрываю карты и показываю, что разбираюсь в вопросе. Дурочкой оставаться безопаснее. Но терпеть этих двоих у себя на пороге — выше моих сил. Надеюсь, они поймут, что я им не по зубам, и покинут мои владения.

С Виллемса слетает показная доброжелательность. Он больше не прячет глаз, его взгляд становится бездушным и холодным, как у акулы.

— Почему забыл? — спокойно отвечает он. — Я тебе всё рассказал, перечитай документы на особняк внимательнее,

там есть указание на предупреждение. Не моя вина, что ты настолько самоуверенна, чтобы пытаться устранить нарушения за сутки.

Как хочется стереть это наглое спокойствие с его лица! Слова о том, что документы взяты на экспертизу, почти срываются с губ. Но я в последний миг приказываю себе замолчать.

Если Фламберг что-то обнаружит, пусть это окажется для Виллемса неприятным сюрпризом. А если не обнаружит... Что ж, у меня еще неделя на перевоспитание призраков.

— А теперь, раз уж мы всё поняли друг о друге, — спокойно произношу я, — предлагаю вам покинуть мои владения.

Виллемс надменно улыбается. Ив кривит лицо и выплевывает с откровенной ненавистью:

— Ну что ж... Раз так, то прошу не беспокоить, когда тебя выгонят на мороз. Я тебя не пущу. Ты права: твое присутствие меня уж-ж-жасно раздражает.

Они разворачиваются, чтобы уйти. А я хватаюсь за дверную ручку, чтобы захлопнуть за ними дверь и приступить наконец к уборке.

Благодаря этой беседе я убеждаюсь, что никакой ошибки нет. Виллемс и Ивл в сговоре и совершенно осознанно пытаются подвести меня под монастырь. Мысленно потираю ладони, представляя их изумление, когда они узнают о моем иске.

Я не успеваю закрыть дверь. В щель протискивается Тони. Он выскакивает на крыльцо и срывающимся голосом окликает визитеров:

— Господин Виллемс! Вынужден просить вас задержать-ся!

Этот порыв совершенно непредсказуем для меня. Сердце ёкает от тревоги.

Что Тони задумал?

16.

Ивл и Виллемс останавливаются и разворачиваются к Тони. У моей мачехи брезгливо кривятся губы. Генрих окидывает приближающегося Тони пренебрежительным взглядом.

Мой подопечный протягивает Виллемсу лист бумаги с неровно оборванным краем.

— Там что, — снисходительно интересуется адвокат, глядя на Тони, а не на документ, — резюме?

— Да этот отброс и слов таких не знает! — щурится Ивл. А вот я, кажется, догадываюсь, что там... И если я права, это катастрофа. Я, конечно, могу сейчас рвануть к ним и отобрать бумажку. Но я отлично осознаю, в каком свете выставлю тогда Тони. И я не знаю, что хуже: оповестить врага о своих планах или подрезать крылья юному таланту.

— Это претензия, — ледяным тоном отвечает парнишка.

— Вот как? — усмехается Виллемс и переводит наконец взгляд на документ.

Читает. Через пару мгновений спесь слетает с его наглого лица. Черты искажаются так, что Генрих становится похож на злого дракона с китайских картинок.

Бумажка в руках начинает дрожать. Виллемс поднимает глаза и прожигает меня свирепым взглядом.

— Ах вот как... — в тихом бешенстве цедит он. — Напугать меня решили? У тебя, Реджи, и у этого щенка ничего не

выйдет! Я размажу вас на первом же заседании!

Я вижу только спину Тони. И вижу, как парнишка горделиво расправляет плечи и приосанивается. Что-что, а преподносить себя он умеет!

— Тогда почему вы так злитесь, дядя Генрих? — спрашиваю я, спокойно встретив его полыхающий ненавистью взгляд. — Неужто испугались?

Генрих сминает бумажку, но не выкидывает ее, а опускает в карман. Разворачивается, подхватывает недоумевающую Ив под локоть и буквально тащит вон с моей земли.

— До встречи в суде, господин Виллемс! — кричит напоследок Тони.

Он поворачивается и смотрит на меня. Сияет, как новогодняя гирлянда. И моя злость на него испаряется. Наверное, именно так чувствовала себя моя давняя подруга, когда ее малыш подарил ей аппликацию с дядями, которых он любовно вырезал из найденных в ящике некрасивых зелёных бумажек с цифрами.

Теперь, когда враг осведомлен о моих планах, надо приложить все усилия, чтобы подготовить Тони к сражению в суде. У меня все ещё есть преимущество: Виллемс не в курсе, что встретит обученного соперника.

— Вы видели, госпожа Реджина? — радостно спрашивает парнишка. — Как он разозлился!

Тони беззаботно направляется ко мне.

В этот момент из-за поворота показываются Фро и Боб.

Сторож тащит накрытую белым полотенцем корзину.

Я прижимаю руку к сердцу. Неужели все грибы назад принесли? Но по довольной ухмылке Боба понимаю, что новости меня ждут не самые плохие.

На лице Фро, напротив, тревога. Кухарка, оглядываясь, спешит к нам, обгоняя Боба. Вzbегает на крыльцо, перепрыгивая через ступеньки, и подлетает к сыну.

— Что ты натворил, Тони? — она зажимает его лицо в ладонях и вглядывается с беспокойством в его улыбку и веснушки.

— Да ничего, — пожимает плечами парень и невинными глазами смотрит на мать. — А что?

— Мы только что встретили Виллемса и госпожу Фьорд, — Фро переводит на меня взгляд. — Они в бешенстве. Ивлорала что-то про рыжего щенка, который лезет не в свое дело... Я тут знаю лишь одного рыжего щенка...

Я перехватываю ее за руки и смотрю ей в лицо. Говорю твердо и спокойно:

— Все в порядке, Фро. У нас для тебя есть хорошие новости.

— А у нас для вас тоже приятные новости! — встревает в разговор Боб, который только что с пыхтением затащил на крыльцо корзину. — Ваши ранние грибочки оторвали с руками. Просили ещё.

— Это действительно замечательно! — восклицаю я, пытаясь придать голосу побольше оптимизма.

Но Фро с таким беспокойством смотрит на Тони, что мне становится не до смеха. А вдруг она не согласится на его обучение? Да ещё у призрака...

Киваю Тони на корзину, которую Боб поставил в ногах, чтобы отдышаться:

— Неси к камину, посмотрим потом, что там. — Пропустив парнишку вперёд, беру Фро под локоть и ввожу в холл. — Фро, вы только не волнуйтесь, но у Тони появился шанс попасть в Академию права Драконариса.

— Неужто кто-то взялся его учить? — она округляет глаза, сама не верит в то, что говорит.

— Именно! Я нашла ему преподавателя, который не возьмёт с вас ни монетки. Для него теперь подготовить Тони — это дело принципа...

— Да? — лепечет с улыбкой кухарка. — И кто же этот добрый господин? Дайте же я обниму его!

— Вот с этим будут некоторые проблемы... — я ума не приложу, как подвести ее к самой сути.

— Да, конечно, — понимающе тараторит Фро. — Это, наверное, какой-то благородный господин. А я просто челядь. Не мне прикасаться к высокородным...

— Вы несправедливы к себе! — вдруг раздаётся голос профессора Лекса. Мама-моя! В нем столько галантности, что хватило бы на клуб британских джентльменов. — Будь я жив, не отказался бы от объятий такой шикарной женщины! Для меня честь обучать вашего сына и готовить его к судеб-

ным сражениям с выскочкой Виллемсом.

Фро от неожиданности приседает и вертит по сторонам головой, пытаясь увидеть собеседника. Потом переводит на меня перепуганные глаза и спрашивает:

— Мне п-п-показалось или моего сына вызвался готовить... п-п-призрак?

Киваю. Стараюсь улыбаться дружелюбно. Но на самом деле мне страшно, что она сейчас закричит, запричитает, хлопнется в обморок или вообще схватит свои пожитки и уйдет.

Несмотря на все мои ожидания, она умудряется удивить меня своей реакцией.

17.

Сначала она хмурится и молчит с полминуты. Потом находит глазами Тони и с едва уловимой дрожью в голосе спрашивает:

— Сынок, ты уверен?

Тони с восторгом восклицает:

— Конечно! Это же сам профессор Лекс! Он готовил лучших адвокатов Драконариса. И теперь у меня появился призрачный шанс оказаться в их числе, изменить нашу жизнь и вытащить нас из бедности! И всё благодаря госпоже Реджине!

Тони говорит так горячо, что сразу становится понятно: он на пути к осуществлению заветной мечты и с пути его не собьет никто и ничто. Фро с нежностью и любовью смотрит на сына, и на ее лице расплывается спокойная улыбка.

— Раз так, — наконец произносит женщина, — то я поддержу тебя и твое желание учиться.

Затем она вдруг переключается на меня и скользит по моему лицу внимательным изучающим взглядом. Кивает себе, закрывает глаза и разводит руки в стороны ладонями вверх. Дышит ровно. Стоит так несколько мгновений.

И тут от ее плеч к запястьям, по ладоням и пальцам начинают струиться искорки. Они крошечные, слабые, едва заметные. На кончиках пальцев искорки собираются в огонь-

ки, те растут, соединяются в небольшие язычки пламени...

И вот над ладонями Фро танцуют теплые огоньки. Женщина сводит руки. Язычки сплетаются и закручиваются в светящийся шар, который пульсирует приятным желтоватым свечением.

Фро открывает глаза.

— Госпожа Реджина, дайте свои руки... — мягко попросила она и ласково улыбается: — Не бойтесь...

Я с некоторой опаской протягиваю ей ладони. Фро подносит к ним сияющую сферу и вкладывает ее мне в руки. Она начинает расползаться по моей коже, словно сделана из кинетического песка. А затем... проникает под кожу, даря ощущение тепла и легкого покалывания.

От пальцев к запястьям растекаются искорки, они бегут к локтям, поднимаются по плечам и затухают у самой шеи.

На лице Фро облегчение, а я пытаюсь понять, что за день сияющих рук сегодня. Смотрю вопросительно на кухарку.

— Это была моя капля ладуса — бытовой магии, которая немного облегчает работу по дому, — поясняет та.

— Вы... Вы, что, отдали мне свою магию? — холодея от накатившего на меня понимания, спрашиваю я. — А как же вы будете готовить?

— У меня есть кое-что получше магии, — склоняет голову набок Фро. — Мастерство и опыт! С ними никакое волшебство не нужно. Оно мне пригодилось на первых порах, а теперь... Я уже давно не пользовалась ладусом.

Смотрю на руки, в которых ощущаю легкость и пульсирующую энергию.

— Но ведь ты могла передать ладус кому-то другому. Например, Тони. Или продать... — меня переполняют благодарность и вина, хотя умом я понимаю, что отдать частицу дара — это добровольный и осознанный шаг взрослого человека.

Видя мое смятение, Фро по-матерински берет меня за руки.

— Ладус передается только от женщины к женщине, — объясняет она. — И продать его нельзя. Только подарить. Просто больше я ничем не могла отблагодарить вас за помощь Тони.

— Тоже мне подарок, — вдруг разрывает в клочья трогательность момента голос герцогини Лонгнуоз. — Ладус — это только для простолюдинов. Барышням из высшего света он незачем!

— Герцогиня, не знаете — не говорите! — резко бросает ей голос портнихи Сард Шнайдер. — Если бы не ладус, я бы не стала лучшей в своем деле. Благодаря ему я шила наряды в три раза быстрее конкурентов.

После слов сварливой герцогини Фро немного унывает. Но я беру ее за руки и успокаивающе поглаживаю.

— Познакомьтесь, Фро. Это еще два наших потусторонних обитателя: герцогиня Лонгнуоз и непревзойденная Сард Шнайдер.

Затем я крепко обнимаю кухарку и тихо произношу ей на ухо, чтобы лишний раз не бередить любопытство вездесущих невидимых кумушек:

— Спасибо вам за подарок! Я очень его ценю... И рвусь испробовать его в деле поскорее. Но сначала... — отпускаю ее и прошу: — Расскажите, как вы сходили в таверну.

Фро тут же оживляется.

— Пойдемте, госпожа, посмотрите!

Мы подходим к корзине, и кухарка откидывает с нее полотенце. Внутри вижу головку сыра, вяленое мясо, узелок с мукой, крынку с молоком и мешочек крупы. Под ними, кажется, уложены какие-то корнеплоды и лук.

— Неужели это всё дали за какие-то шампиньоны? — с удивлением спрашиваю у Фро.

В разговор вклинивается Боб, который слоняется по холлу:

— Нам просто несказанно повезло, госпожа Реджина! Один гость за блюдо из шампиньонов отвалил кругленькую сумму. А хозяин таверны отдал нам припасами.

— Да-да! — закивала Фро. — Оказывается, по утрам там завтракает сам губернатор Фламберг! Услышав про ранние шампиньоны из вашего поместья, он тут же заказал себе огромную порцию и в два счета съел всё! Вот так удача!

В удачу я не верю — лишь в трудолюбие и правильные, своевременные решения. И сейчас я решаю наконец-то заняться уборкой.

Отправляю Тони учиться, а Фро прошу поискать еще шампиньонов. Бобу поручаю нарезать веток — хоть березовых, хоть дерезы, хоть ивовых — и найти прочные палки. Пока он ищет, рву на тонкие ленты один из саванов, который до вчерашнего дня укрывал диван.

Из добытого Бобом материала вяжу метлы. К моему удивлению, веточки ровно укладываются одна к другой, узелки не развязываются, черенки, в которых я дополнительно сделала ножом поперечные желобки для веревок, не выпадают.

Одну из длинных палок я расщепляю на конце. Беру несколько ровных толстых прутков длиной с руку, складываю один к одному, перематываю крепко, словно мумию, почти до середины. Затем разделяю на два пучка, вставляю между ними палку со сделанным мною утолщением, свожу эти пучки в один и крепко стягиваю полосками ткани до конца. Вуаля! Ноу-хау — плетеная швабра! Делаю еще несколько таких.

То ли благодаря моим стараниям, то ли всё же ладус помогает, но швабры и метлы не разваливаются. Нагружаю ими Боба, и мы заходим в огромный торжественный зал.

На окнах обрывки некогда роскошных штор. Вместе с тонкими лучами солнца в помещение через разбитые окна со свистом проникает сквозняк. Всё кругом заросло грязью.

От длинных штор, крепящихся к карнизам метрах в четырех от пола, несет гарью.

Уборку надо начинать сверху. Сначала надо снять занавески.

вески, а там посмотрим, что с ними можно сделать. Дергаю ткань вниз. Не поддается. Видимо, хорошая материя. Зову на помощь боба. Мы повисаем на шторе вдвоем. Безрезультатно.

Надо лезть наверх и снимать карниз целиком или отсоединять кольца. Но как туда добраться?

— Лестница есть? — спрашиваю у Боба.

Он мотает головой. Я задумываюсь. Пытаюсь изобрести, как взобраться наверх.

— Одно дело сделать метлы и швабры... — почему-то размышляю вслух. — Но вот лестницу я вряд ли построю. Да и палок таких длинных у меня нет...

Вдруг прямо над ухом раздается незнакомый скрипучий мужской голос:

— Зачем же вам длинные палки? Могу предложить кое-что поинтереснее!

А вот и четвертый призрак! Кто же он и что может посоветовать?

18.

Призрак молчит, видимо, ожидая от меня просьб или вопросов. Точь-в-точь мой покойный дед по отцовской линии. Вот уж мастер на все руки был! Если что-то ломалось, его точно так же приходилось поугovarивать, задобрить, чтобы починил.

— О! — добавляю в голос как можно больше восторга. — С вашей стороны, господин...

— Карло, — подсказывает призрак. — Зовите меня мастер Карло!

— Мастер Карло, с вашей стороны дать мне дельный совет или подсказку было бы невероятной щедростью.

— Итак, — без жеманства и кокетства сразу переходит к делу призрак, — юная леди, вам нужна лестница... А длинных досок или палок для стоек нет...

— Нет... — вздыхаю я.

— Зато у вас есть много коротких палок и много длинных веревок, — говорит Карло, и мне кажется, я слышу, как он подмигивает.

Он всё больше становится похож на моего деда, который не спешил сразу решать проблему, а устраивал для нас, внуков, мозговой штурм с поиском путей решения. Конечно же, он с самого начала знал, как следует поступить, но давал нам возможность искать выход самостоятельно.

Дедушкина наука в жизни ох как пригодилась! Его уже давно нет со мной, а я точно так же заставляю себя остановиться и подумать, перечислив все исходные данные. Вот и сейчас решение вспыхивает лампочкой в голове.

— Верево́чная лестница! — восклицаю я.

— Браво! — хвалит меня Карло.

У него даже интонация как у моего дедушки.

Следующие полчаса я вожусь с изготовлением веревочной лестницы. Боб выполняет простейшие задачи: делает ступени из прочных палок примерно одинаковой длины, нарезает на них желобки, чтобы веревка не скользила. Помогает стягивать узлы.

Я по указке Карло, который оказывается бывшим мастером из Драконариса, сплетаю веревки из полос ткани. Ладус здорово экономит время и силы. Но не спасает от боли в руках, мозолей и усталости.

Через полчаса веревочная лестница готова. Длинная и, надеюсь, прочная. Концы я утяжелила камнями. Осталось перекинуть свое изделие через карниз для штор.

Стою в самом низу, запрокинув голову и выискивая подходящее место. В руках держу сплетенную из веревки основу. Затем мечу утяжеленные концы вверх и... Недолет. Лестница падает на пол. Кидаю еще раз. И еще.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.